

АЛЕКСАНДР
НЕЧВОЛОВДОВ

КАЗАНИЯ О ЗЕМЛЕ РУССКОЙ

ОТ НАЧАЛА ВРЕМЕН
ДО КУЛИКОВА ПОЛЯ

РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН
НАЧАЛО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
КРЕЩЕНИЕ РУСИ
НАШЕСТВИЕ БАТЫЯ
КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Александр Нечволодов

**Сказания о земле Русской. От
начала времен до Куликова поля**

«Центрполиграф»

1913

УДК 93/94
ББК 63.3

Нечволодов А. Д.

Сказания о земле Русской. От начала времен до Куликова поля /
А. Д. Нечволодов — «Центрполиграф», 1913

ISBN 978-5-227-07803-2

Книга, написанная действительным членом Императорского русского военно-исторического общества Александром Нечволодовым, уникальна. Ее первое издание стало настольной книгой в семье последнего российского императора Николая II. «Сказания о земле Русской» включают в себя обширнейший историографический материал: от древнерусских былин, песен и летописей до работ Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина и многих других историков и писателей, чьи имена вписаны в золотой фонд истории нашего Отечества. Каждая страница книги пронизана любовью к России и гордостью за ее славное прошлое, настоящее и будущее.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-07803-2

© Нечволодов А. Д., 1913
© Центрполиграф, 1913

Содержание

Часть первая. С древнейших времен до расцвета русского могущества при Ярославе Мудром	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Нечволодов

Сказания о земле Русской. От начала времен до Куликова поля

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

Посвящается светлой памяти Ивана Егоровича Забелина, благодаря многолетним трудам которого, созданным его глубокою душою и проникновенным умом, каждый русский человек получил драгоценное право гордиться своими отдаленнейшими предками и с уверенностью взирать на грядущие судьбы нашего великого народа

Предлагаемая книга написана с целью дать возможность каждому русскому человеку изучить жизнь и дела своих предков в давние времена.

Изучение это не только высокопоучительно, но и совершенно необходимо.

Оно показывает нам, от каких смелых, мудрых и благородных людей мы исходим, какие великие труды были положены ими на создание нашей Родины и как обильно орошена их кровью каждая пядь Русской земли.

Вместе с тем изучение это показывает нам и путь, по которому мы должны идти, чтобы исполнить священную обязанность перед потомством: сохранить для него в полной неприкосновенности святое наследие наших предков – Русскую землю.

В том же 1909 году написанная мною книга удостоилась самого милостивого внимания со стороны государя императора и его величеству благоугодно было выразить мне свою волю, чтобы я продолжал начатый мною труд.

24 мая 1911 года я получил всемиловитейшее разрешение представить государю в Царском Селе вторую часть «Сказаний о Русской земле», причем работе моей было вновь оказано несколько самых незабвенных для меня знаков монаршего внимания.

1 декабря 1911 года, в Ливадии, государь император несказанно осчастливил меня словами, что он читает вслух мою книгу ее величеству.

При своей работе я руководствовался всеми доступными мне первоисточниками, а также и трудами наших знаменитых историков и ученых: Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, И.Е. Забелина, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, А.А. Шахматова, Н.П. Кондакова, А.И. Соболевского, Н.П. Лихачева и др. Подробное указание печатных произведений и рукописей, коими я пользовался и из которых делал более или менее значительные заимствования, приведено в конце каждой части.

Вместе с тем я по мере сил стремился осуществить заветы И.Е. Забелина, выраженные им в следующих словах:

«Всемирно известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели воспитывать героев. Это умение заключалось лишь в том, что они умели изображать в своей истории лучших персидских своих деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде. Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек необходимо проживает и всегда больше или меньше ею мараётся. Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, полезную их сущность, но и сущность идеальную, то есть историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала.

Наше русское воздвигание истории находится от древних совсем на другом, на противоположном конце. Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах – идеалах не смеем и помышлять. Идеального в своей истории мы не допускаем. Какие у нас были идеалы, а тем паче герои! Вся наша история есть темное царство невежества, варварства, суесвятства, рабства и так дальше. Лицемерить нечего: так думает великое большинство образованных русских людей. Ясное дело, что такая история воспитывать героев не может, что на юношеские идеалы она должна действовать угнетательно. Самое лучшее, как юноша может поступить с такою историею, это – совсем не знать, существует ли она. Большинство так и поступает. Но не за то ли самое это большинство русской образованности несет, может быть, очень справедливый укор, что оно не имеет почвы под собою, что не чувствует в себе своего исторического национального сознания, а потому и умственно, и нравственно носится попутными ветрами во всякую сторону.

Действительно, твердою опорою и неколебимою почвою для национального сознания и самопознания всегда служит национальная история...

Не обижена Богом в этом отношении и русская история. Есть или должны находиться и в ней добрые общечеловеческие идеи и идеалы, светлые и высоконравственные герои и строители жизни. Нам только надо хорошо помнить правдивое замечание античных писателей, что „та или другая слава и знаменитость народа или человека в истории зависит вовсе не от их славных или бесславных дел, вовсе не от существа исторических подвигов, а в полной мере зависит от искусства и умения или даже от намерения писателей изображать в славе или уничижать народные дела, как и деяния исторических личностей“».

Кроме приведенных выше слов И.Е. Забелина, в моих взглядах на русскую историю я во многом находил себе точку опоры, подтверждение и разъяснение в трудах одного из самых великих своею любовью к Родине современных русских людей – Николая Федоровича Федорова. При жизни он был известен многим только как изумительный по добросовестности, трудолюбию и разнообразию знаний скромный служащий при библиотеке Румянцевского музея в Москве, который знал содержание всех решительно книг громадной библиотеки этого музея. Ему было также всегда известно каждое требование всякого посетителя библиотеки на книги, и по этим требованиям он сразу узнавал действительного работника, с любовью относящегося к своему делу. Тогда Николай Федорович заглазно всей душой привязывался к нему и старался быть полезным, чем мог, причем от себя посылал изумленному посетителю еще две-три книги, которых тот совсем не требовал и о существовании которых совершенно не подозревал, а между тем содержание этих неожиданных книг прямо отвечало на поставленную им себе задачу. Когда же случалось, что посетитель, обративший на себя внимание Н.Ф. Федорова, требовал таких книг, коих в Румянцевском музее не было, то он покупал их на свои более чем скудные средства. Люди, которым приходилось соприкасаться с ним, называли его мудрецом и праведником, а более близкие к нему говорили, что он был один из тех немногих праведников, которыми держится мир, и считали Николая Федоровича по уму и истинно христианской душе – «великим и даже великим из великих». После своего знакомства с Н.Ф. Федоровым граф Л.Н. Толстой, пораженный его личностью, писал: «Николай Федорович святой. Каморка... не хочет жалованья, нет белья, нет постели».

Вслед за кончиной этого замечательного русского человека, последовавшей в 1903 году, В.А. Кожевников и Н.П. Петерсон предприняли издание его обширных творений под заглавием «Философия общего дела», причем, к сожалению, выпущенная до настоящего времени в свет первая их часть в продажу не поступила, а была бесплатно разослана в разного рода библиотеки, так как покойный возмущался торговлей произведениями мысли и считал это святотатством.

По глубочайшему убеждению Н.Ф. Федорова, конечным общим делом всего человечества является воскресение из мертвых, которое последует после того, когда наступит на Земле

всеобщий братский союз, причем во главе его будет стоять русский государь, а Россия станет для всех «родной, милой и дорогой».

При жизни Николая Федоровича весьма немногие были знакомы с его взглядами, но взгляды эти разделялись такими выдающимися людьми, как Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев; последний называл его учение «первым движением вперед человеческого духа по пути Христову со времени появления христианства».

В своих творениях, подробно разбирая прошлое России и ее значение среди остальных государств и высказывая по этим вопросам ряд изумительно глубоких мыслей, а порой и предсказаний, уже частью осуществившихся, Николай Федорович совершенно соглашается со взглядами на будущность Русской земли, высказанными в начале XVI века старцем Елизарова монастыря Филофеем.

От автора

Часть первая. С древнейших времен до расцвета русского могущества при Ярославе Мудром

Глава 1

Расселение славян. Сказания греков о кентаврах и амазонках. Скифы. Путешествие Геродота и его описание нашей страны и обычаев. Курганные находки

С берегов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в Европу славянские племена шли, вероятно, двумя главными путями; одна часть их спускалась по берегам Аму-Дарьи к южным берегам Каспийского моря, а затем, обогнув это море с южной же стороны, двигалась по Малой Азии, к переправе в Европу через так называемый Фракийский Босфор – узкий пролив у Константинополя, ведущий из Эгейского моря в Черное; после же переправы – направлялась к северу и к западу.

Другая часть славянских племен могла идти из мест своей первоначальной родины вниз по течению Сыр-Дарьи, а затем, обогнув Каспийское море с севера, распространяться по славным нашим южнорусским степям и по низовьям наших рек – Дона, Днепра, Буга и Днестра, вплоть до низовьев Дуная, на которых садились славянские племена, шедшие в Европу по первому пути – через Малую Азию.

Кроме движения по только что указанным двум главным путям, часть славянских племен могла идти в Европу еще и третьим путем, а именно: доходить по течению реки Аму-Дарьи до южного берега Каспийского моря, а затем, повернув к северу и следуя или по западному побережью Каспия, или по восточному берегу Черного моря, – переваливать через высокие Кавказские горы и выходить на обширные и плодородные равнины, примыкающие к Кавказским горам с севера, то есть в нынешнюю Кубанскую область.

Заселивши низовые и средние течения Дуная, Днестра, Буга, Днепра и Дона, славяне не останавливались в своем движении, а постепенно передвигались дальше.

Часть славян, получивших название ляхов, или поляков, заселила берега Вислы, имея восточнее себя по Неману и низовьям Западной Двины – близкородственное себе племя литву.

В горах Карпатских и прилегающих к ним засели чехи, моравы и хорваты.

Наконец, восточные славянские племена, расселившиеся на низовьях рек нынешней Южной России – Днестра, Буга и Днепра, – также продвигались вверх по этим рекам к северу и востоку и вышли постепенно к верховьям рек, впадающих уже в другие моря, а именно: 1) к верховьям Немана и Западной Двины, текущих в Балтийское море; 2) к верховьям Шелони, Ловати и других рек, впадающих в озеро Ильмень, а оттуда через Ладожское озеро и реку Неву – в Балтийское же море; 3) к верховьям рек, впадающих в Северную Двину и Белое море, и, наконец, 4) к верховьям рек Оки и Волги, которые несут свои воды сперва на восток через середину всей России, а потом, круто повернув на юг, – в Каспийское море.

Заняв верховья перечисленных выше рек, которые почти все близко сходятся между собой в местности, называвшейся в старину Волковским лесом, наши предки получили возможность, постепенно подвигаясь по течениям их, расселиться и на всем обширном пространстве нынешней Европейской России.

Вот как последовательно, в течение многих веков, по всей вероятности, расселялись по разным странам Европы славянские племена.

При своем движении в Европу славяне должны были, разумеется, встречать на пути древнейших туземных обитателей тех стран, по которым они двигались.

Точных сведений об этих первых встречах, за повсеместным отсутствием в то время грамоты, мы не имеем, но знаем, что у древних греков сохранились старинные сказочные предания, что к северу от Греции появились особые чудовища, у которых зад и четыре ноги были конские, а грудь, голова и руки – человечесь. Эти чудовища, называемые греками кентаврами, отличались крайне свирепым нравом, превосходно стреляли из луков и были благодаря быстрым конским ногам совершенно неуловимы, причем, по греческим сказаниям, между этими кентаврами и греками происходили когда-то кровопролитнейшие битвы.

В этих сказочных преданиях греков о кентаврах, на первый взгляд совершенно невероятных, есть, однако, большая доля правды.

Жестокие битвы древнейших греков действительно происходили с пришельцами с севера, метко выпускавшими стрелы из своих луков и постоянно появлявшимися перед противниками верхом на быстроногих конях, с которыми они, казалось, составляли одно неразрывное целое.

Это были, возможно, наши славные предки, славяне, и именно те племена, которые дали начало великому русскому народу. Идя по нашим привольным южным степям, они покорили себе во время этого длинного и долгого пути главного тогдашнего обитателя русских степей – дикую лошадь, и сделали себе из этого борзого скакуна вернейшего и преданнейшего друга; сроднившись с ним, предки наши стали лучшими в тогдашнем мире наездниками и конными стрелками и наводили ужас на все народы, которые пытались им сопротивляться.

Одновременно со сказочными рассказами о чудовищах-кентаврах древние греки рассказывали также о необыкновенном народе, будто бы и состоявшем из одних женщин-воительниц, неустрашимо сражавшихся на быстроногих конях и тоже отличавшихся искусным метанием стрел; греки называли этих храбрых наездниц – амазонками.

Эти сказочные амазонки были также, можно думать, не кто иные, как наши доблестные прародительницы; они, как верные и преданные жены и дочери, сопровождали своих мужей и отцов в их лихих набегах и принимали участие во всех кровавых боях, отважно сражаясь и бесстрашно умирая рядом с близкими себе людьми.

Перед тем, чтобы продолжать наше повествование дальше, необходимо сказать, что, по-видимому, славянами или словами, то есть говорящими, стали называть себя первоначально наши предки сами, обозначая этим именем все племена, говорящие на понятном друг для

друга языке; немymi же, или немцами, славяне, в отличие от себя, первоначально называли все те народы, которые со славянами разговаривать, вследствие разницы языка, не могли. Название «славяне» долгое время употреблялось только исключительно среди славян же; обитатели же других стран называли их самыми различными наименованиями; из этих наименований весьма долго наиболее известным было наименование – скифы, так как именем скифов греки, по видимому, уже с древнейших времен обозначали славянские племена.

Первые письменные сказания греческих писателей о скифах относятся приблизительно ко времени за 800 лет до Рождества Христова. В сказаниях этих повествуется, что воинственные и храбрые скифы, появившись на берегах нынешнего Азовского моря и у устьев Днепра, навели такой страх на прежних обитателей этих мест, носивших название киммериян, что те поспешно совершенно очистили занимаемые ими земли и без сопротивления бежали через Кавказ в Малую Азию.

Сведения эти ясно показывают, что уже с первых времен своего появления в Европе наши предки заявили себя храбрым и воинственным народом, который не замедлил предпринять ряд славных войн и походов.

Особенно прославились скифы своим далеким походом, предпринятым ими с огромным количеством всадников, около 630 года до Рождества Христова, от берегов Днепра и Дона через Кавказские горы, Армению, Персию и Малую Азию.

Поход этот продолжался 28 лет и доставил громкую известность его участникам. При своем движении скифы, гарцуя на легких конях и предавая все огню и мечу, навели такой ужас на встречающиеся на пути народы, что многие из них, не вступая в бой, спешили откупаться богатыми дарами от грозных завоевателей. На своем победоносном пути скифы подчинили себе мидийского царя Киаксара и заставили его платить себе дань; затем они направились к Ассирии, и ассирийскому царю пришлось откупиться от них бесчисленными сокровищами своих дворцов. От Ассирии скифы повернули к западу, к богатым городам Финикии и проникли по морскому берегу в область Филистимскую.

Повернув вновь к северу, скифы, в полном блеске своей славы и нагруженные богатейшей добычей, возвращались по покоренным ими странам домой, в свои широкие степи – на Дон и Днепр.

Однако весьма немногие вернулись на родину; большинство же из них совершенно неожиданно для себя погибло, благодаря пагубной страсти скифов к вину, чем они отличались еще и в те древнейшие времена и чем, к несчастью, себя губят и их потомки – русский народ.

Зная непомерную жадность скифов к вину и способность напиваться им до полного бесчувствия, мидийский царь Киаксар, которого они покорили и заставили себе платить дань, приготовил для них при возвращении роскошное угощение и множество вина. Скифы перепились им, и, когда лежали после пиршества мертвецки пьяными, коварному Киаксару не стоило большого труда избить большую часть из них; только немногие ушли домой.

Сто лет спустя после описанного печального происшествия, в 530 году до Рождества Христова, страсть скифов к злополучному употреблению вина опять оказалась для них крайне пагубной.

Дело произошло следующим образом: Кир, царь Персидский, один из великих завоевателей Древнего мира, покорил себе царства – Мидийское, Ассирийское и все другие племена в Малой Азии; после этого, взяв славный город Вавилон, к великой радости иудеев, находившихся там в плену, которым он разрешил вернуться в Палестину, Кир решил идти на скифов, считавшихся непобедимыми, и направился на те скифские племена, которые жили за рекой Аму-Дарьей, причем предварительно послал царице их Томириссе предложение выйти за него замуж. Умная Томирисса, уже немолодая женщина, поняла, конечно, что это был только предлог, чтобы завладеть ее владениями; поэтому она послала Киру отказ, но приказала ему объявить, что оба они отлично могут царствовать каждый в своей стране и не воевать друг с дру-

гом; если же Кир непременно хочет войны, то она на нее согласна и будет ожидать его в своих владениях.

Кир, зная неукротимое мужество и воинское искусство скифов и зная вместе с тем их непреодолимую страсть к вину, решил получить над ними успех не в открытом бою, а с помощью хитрости.

Для этого, вторгнувшись в скифскую страну, он собрал в своих войсках всех слабых и плохих воинов, которыми ему не жаль было пожертвовать, и двинул их вперед – в направлении скифов, причем приказал этому передовому отряду, по приходе на ночлег, приготовить множество всякой пищи и вина и так ожидать появления скифов. Это приказание Кира было в точности исполнено. Вскоре появились перед персидским передовым отрядом скифы, под предводительством молодого сына царицы Томириссы. Они напали на этот отряд, без труда разбили его, а затем кинулись на приготовленную пищу и вино и предались необузданному разгулу и пьянству, без всяких мер предосторожности. Этим, конечно, воспользовался Кир. Он напал на беспечно бражничавших скифов, перебил громаднейшее их число и, кроме того, забрал великое множество их в плен, в том числе и молодого сына царицы Томириссы. Всего при этом было перебито и взято в плен около 150 тысяч скифов.

Узнав про это несчастье, Томирисса послала сказать Киру, что она просит его отпустить к ней ее сына, после чего она не будет мстить персам за предательское нападение на ее воинов, если персы удалятся домой. Но Кир и не думал исполнить ее желания; он только разрешил снять оковы с молодого сына царицы; тогда этот последний, от стыда и горя, что не оправдал доверия матери и был, благодаря своей страсти к вину, главной причиной гибели стольких храбрых соотечественников, наложил на себя в отчаянии руки. Узнав про его смерть, Томирисса двинула все свои войска, которых было около 300 тысяч мужчин и 200 тысяч женщин, против персов.

Последовало одно из самых кровопролитнейших сражений, когда-либо происходивших в древние времена. Обе стороны дрались с величайшим упорством и ожесточением, и, наконец, скифы победили. При этом был убит Кир. Когда отыскивали его тело, то скифская царица приказала отрубить его голову и бросить ее в кожаный мешок, наполненный человеческой кровью. При этом, обращаясь к голове Кира, она сказала: «Хотя я осталась в живых и одержала большую победу, но не радуется она меня; не искала я вражды с тобою, а ты пришел и коварством погубил моего юного сына. Ты всегда жаждал крови, так напейся же ею досыта в этом мешке, кровопийца».

Двадцать лет спустя после этого происшествия, в 510 году до Рождества Христова, один из преемников Кира, Дарий Первый, который, подобно Киру, был также одним из великих завоевателей Древнего мира, решил, чтобы наказать скифов за смерть Кира, покорить их страну. Для этого он собрал в Малой Азии огромные полчища, переправил их в Европу через Босфор и двинулся к Дунаю. Здесь был выстроен большой постоянный мост; переведя по нему свои войска и поручив охрану моста союзным грекам, Дарий вступил в пределы нынешней Бессарабской и Херсонской губерний, не сомневаясь в скорой победе над многочисленными, но разрозненными скифскими племенами, тем более что между племенами этими царили раздоры и даже, несмотря на весть о приближении персов, более дальние племена не соглашались прийти на помощь тем, которые ближе всего находились на пути персов. Однако, несмотря на эти несогласия среди скифов, обстоятельства для Дария сложились так, как он менее всего ожидал.

Скифы, при вторжении его войска в пределы их земель, вышли ему навстречу, но затем боя не принимали, а, отправив своих детей и лишний скот далеко на север, постоянно отступали от персов к востоку, все время держась от них на один день пути впереди и выжигая при своем отступлении весь подножный корм, так что персы, приходя на ночлег, постоянно терпели крайнюю нужду. Так продолжалось очень долгое время. Скифы отступили за Днепр,

потом за Дон, повернули к Волге, а затем, обойдя персидское войско с севера, стали уже отступать на запад, все оставаясь недосыгаемыми для ударов Дария.

Так как это продолжалось долго и не предвиделось конца странствований, то Дарий послал всадника к одному из скифских царей, отступавшему перед ним, со следующей речью: «Зачем ты, чужак, все убегаешь, хотя можешь выбрать одно из двух: если ты полагаешь, что в силах противостоять моему войску, остановись, не блуждай более и сражайся; если же ты чувствуешь себя слабее, то также приостанови свое бегство и ступай для переговоров ко мне, твоему владыке, с землею и водою в руках, в знак подданства и покорности».

В ответ на это скифский царь послал передать Дарию: «Вот я каков, перс. Никогда прежде я не убегал из страха ни от кого, не убегаю и от тебя, и теперь я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делаю в мирное время. Почему я не тороплюсь сражаться с тобой, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей; нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому и торопиться вступать с вами в бой. Если вам крайне необходимо ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков, разыщите их; попробуйте разрушить – тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за этих гробниц или нет. Раньше же мы не сразимся, раз это для нас невыгодно. Вместо земли и воды я пошлю тебе такие дары, какие приличны тебе, а за то, что ты называешь себя моим владыкой, я расплачусь с тобой». Таков был ответ, сообщенный Дарию, и остальные скифские цари пришли в негодование, узнав, что он заговорил с одним из них о порабощении.

Часть своих скифов, а именно племя храбрых савроматов, они отправили к Дунайскому мосту, чтобы уговорить стерегших его греков уничтожить этот мост, а другие, оставшиеся на месте, скифы решили нападать на персов каждый раз, как только те заняты будут добыванием продовольствия.

Так скифы и поступали, подстерегая, когда персы выходили за сбором корма для людей и лошадей. Персидская конница всегда обращалась в бегство, как только виделадвигающуюся на нее скифскую и поспешно пряталась за свою пехоту. Скифы подсакивали к персидской пехоте, заставляли ее своим появлением изготавливаться к бою, а затем поворачивали назад и быстро исчезали из вида. Подобные нападения скифы производили не только днем, но и по ночам, и, держа постоянно в тревоге персов, сильно обессилили их, чем и поставили Дария в крайне затруднительное положение. Заметив это, скифские цари решили послать ему обещанные дары.

Они послали к нему глашатая с подарками, состоявшими из птицы, мыши, лягушки и пяти стрел. Персы спрашивали посланца о значении подарков, но тот отвечал, что ему приказано только вручить дары и немедленно возвратиться; если же персы догадливы, то они и сами поймут, что означают эти подарки.

После этого персы стали совещаться. По мнению Дария, скифы отдавались ему с землей и водой; заключал он так на том основании, что мышь водится в земле и питается тем же плодом земным, что и человек, лягушка живет в воде, птица наиболее походит на лошадь, а под видом стрел скифы передавали-де свою военную храбрость. Таково было мнение Дария. Но старший из его приближенных – Гобрия, мнение которого он чрезвычайно уважал, толковал смысл даров совершенно иначе, а именно: «Если вы, персы, не улетите, как птицы, в небеса, или, подобно мышам, не скроетесь в землю, или, подобно лягушкам, не ускачете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел».

Вопрос, как понимать смысл и значение даров, оставался несколько дней нерешенным до следующего случая.

Как-то раз скифы появились в своем боевом строю перед войсками Дария. Дарий быстро выстроил все свои силы и приготовился вступить в решительный бой. В это время мимо скифов пробежал заяц, и скифы, все страстные охотники, с шумом и гамом бросились его травить, не обращая внимания на находящуюся невдалеке выстроенную и ожидающую боя персидскую

армию. Когда в скифских войсках раздались шум и крики, Дарий спросил о причине такой тревоги среди неприятелей и, услышавши, что они гоняются за зайцем, обратился к постоянным собеседникам своим со следующим замечанием: «Люди эти смотрят на нас с большим пренебрежением; теперь для меня очевидно, что Гобрия верно истолковал смысл их подарков. Положение дел представляется мне таким же, как и для него, а потому следует хорошенько обдумать, каким образом обеспечить наше отступление».

Персы решили отступить ночью, разведя в своем стане, чтобы обмануть бдительность скифов, большие огни и оставя в нем всех выючных ослов, которые своим ревом должны были также утверждать скифов в мысли, что персы не трогаются с места. На самом же деле они поспешно уходили к своему мосту на Дунай, бросив на произвол скифов всех своих больных и раненых.

Скифы преследовали персов до самого Дуная и едва-едва не захватили мост. Только с большим трудом удалось персам уйти за Дунай, окончив так бесславно и неудачно этот поход, который Дарий начинал с большой самоуверенностью.

Подробности о походе Дария Первого в Россию сообщил в своих записках знаменитый грек Геродот.

Геродот родился в 484 году до Рождества Христова от богатых и высокообразованных родителей, которые дали ему отличное воспитание и оставили большие денежные средства; благодаря этим средствам он мог совершать путешествия по всем странам, известным древним грекам, и в 450 году до Рождества Христова посетил нынешнюю Южную Россию; по-видимому, он даже поднялся по Волге до того места, где ныне стоит Саратов. О своих путешествиях Геродот оставил замечательно любопытное сочинение. Его рассказы о наших предках – скифах дышат необыкновенной простотой и правдой и вместе с тем так живо изображают и природу страны, и людей с их нравами, обычаями и делами, что все это в действительности представляется, как будто сам живешь в то время в нашей стране, с нашими прародителями. К сожалению, Геродот не был на нашем севере, а потому рассказывает о нем только с чужих слов – весьма темно и неопределенно; он также кратко и неопределенно говорит и о северных племенах, с которыми встретились славяне при своем расселении; однако из слов Геродота видно, что все это были народы финского племени – весь, меря, мурома, мордва, чуваш и другие, остатки которых встречаются и теперь на севере и северо-востоке России.

Что касается рассказов о юге России, который он посетил, то они очень точны и подробны.

Он рассказывает, что скифы по роду занятий делились на землепашцев и скотоводов. Землепашцы жили оседло по течению рек Днестра и Буга и по западному берегу Днепра до того места, где ныне стоит город Киев. Скифы же – скотоводы жили в степях, расстилающихся по югу России восточнее Днепра – вплоть до реки Донца. Несколько восточнее и севернее скотоводов жило особое скифское племя – царские скифы; они считались самыми знатными и благородными, а еще восточнее, за Доном, жили так называемые савроматы; они были в высшей степени воинственны и ходили всегда на войну со своими женами, которые ловили врагов, ловко накидывая им на полном скаку аркан на шею; у савроматов девушка не могла выйти замуж раньше, чем не убьет врага; вследствие воинственности савроматских женщин у греков было поверье, что племя савроматов произошло от браков скифов с амазонками.

Все скифы жили родами и племенами, которые управлялись вождями или царями. Племена эти постоянно между собой враждовали и тем взаимно ослабляли друг друга. «Если бы они, – говорит Геродот, описывая одно скифское племя, сидевшее у Дуная в том месте, где ныне живут болгары, – имели общего повелителя, которому бы повиновались, то, по моему мнению, они были бы самым сильным народом из всех существующих на земле; но у них всегда такие раздоры между собой, что никогда не дойдут они до того, чтобы соединиться всем вместе и избрать одного общего властелина».

Скифы, занимавшиеся земледелием, вели уже во времена Геродота обширную торговлю своим хлебом с чужими странами, преимущественно с греками; хлеб доставлялся скифами по течению рек, впадающих в Черное море, в больших ладьях или судах, совершенно так же, как и в наши времена. Особенно много шло хлеба по Днепру, который назывался тогда Борисфеном. Геродот описывает Днепр с большой любовью и говорит, что после Дуная это величайшая из рек; воды ее изобилуют всякого рода рыбой, а по берегам превосходные посевы и луга. Для покупки хлеба у скифов и вообще для всяких торговых оборотов греки имели в то время по северному побережью Черного моря ряд славных городов: Ольвию на нижнем Буге, близ соединения его с Днепром, верстах в сорока южнее нынешнего Николаева; Херсонес, или Корсунь, на южном берегу Крыма, рядом с нынешним Севастополем; Пантикапею – в проливе из Азовского моря в Черное, где теперь стоит Керчь, и Танаис – у устьев Дона, где в настоящее время расположен известный своей хлебной же торговлей Ростов-на-Дону. Из перечисленных городов особенно славились Ольвия и Пантикапея. В Пантикапее греки образовали даже одно время особое царство Боспорское, по имени пролива из Азовского моря в Черное, который прозывался Боспором Киммерийским.

Развалины этих славных древних греческих городов на нашем черноморском побережье существуют и поныне, и русские ученые произвели в них уже много подробных раскопок; благодаря раскопкам этим найдены остатки старых домов, площадей, целые кладбища с гробницами, монеты всякого рода и разных времен, домашняя утварь, кости животных, оружие, а также мраморные и медные доски с сохранившимися надписями; по всем этим предметам можно весьма ясно представить себе жизнь, которую вели в этих городах греки и посещавшие их для торга скифы.

Кроме хлеба, в означенных городах велась также оживленная торговля и другими произведениями скифской земли: мехами, рыбою, воском, медом, лошадьми, а также рабами и рабынями, в которых обращались все взятые в плен неприятели; в большом спросе был и янтарь, ценившийся в Греции на вес золота; он добывался на балтийском побережье, близ устьев Вислы, и попадал оттуда в черноморские города длинными речными путями и волоками; наконец, тут же шла бойкая торговля золотом и разными самоцветными камнями с Урала, для торговли которыми и пушным товаром из тогда совершенно дикого Пермского края и Сибири те же предприимчивые греки устроили на берегу Волги, несколько ниже нынешнего Саратова, также торговый город – Гелон.

Скифы, в свою очередь, покупали у греков тонкие ткани для своих одежд, превосходное греческое вино, перец, грецкие орехи и разные пряности; расписную посуду, богато оправленное оружие, а также драгоценные сосуды и различные украшения из золота и серебра, зачастую дорогой работы лучших греческих мастеров, как для себя и своих жен, так и для обделывания конских уборов, всегда дорогих их сердцу скифских лошадей.

Наиболее воинственными были кочевые скифы, жившие в широких степях у низовья Днепра и Дона, а также савроматы, жившие восточнее Дона. В двух местах близ устьев этих рек, а именно в лесистой местности по восточному берегу Днепра, в так называемом Олешье, где ныне расположен среди плавней и зарослей город Алешки, и по низовьям Дона – всегда собирались ватаги молодых и жаждущих воинских приключений скифов; они постоянно производили, или на быстрых ладьях, или на резвых конях, воинственные набеги на соседние племена.

«Я не знаю, – говорит Геродот про этих степных удалцов-кочевников, – людей более мудрых, чем скифы. Никто из других народов не придумал то, что они: они изобрели складные шатры, которые быстро складывают на повозки, когда хотят избежать боя с противником, и таким образом уходят от него со всеми домочадцами и имуществом, так что, если не захотят, никогда не будут настигнуты врагом. Наоборот, если они хотят кого-нибудь принудить к бою, то никто не может уйти от скифов, благодаря их быстроногим коням и необыкновенно меткой стрельбе из луков! Военные обычаи скифов, – рассказывает далее Геродот, – были

таковы: молодой скиф первый раз, как убьет врага, должен обязательно напиться его крови, а головы всех врагов, убитых в сражении, относятся к царю, потому что только те скифы получают свою долю при дележе неприятельской добычи, которые представили неприятельскую голову, причем доля эта увеличивается в зависимости от числа принесенных голов. С неприятельской головы скифы снимали кожу следующим образом: кругом головы около ушей делается надрез; потом голова берется в руки и вытряхивается из кожи; затем с кожи соскабливается бычачьим ребром мясо, и она выминается в руках и делается совершенно мягкой; после этого она употребляется как утиральник, и скиф привешивает ее к уздечке той лошади, на которой ездит сам, и гордится этим. Тот, кто владеет наибольшим числом таких утиральников из кож с неприятельских голов, почитается доблестнейшим человеком. Многие скифы готовили себе из неприятельских человеческих кож плащи, в которые и одевались; для этого кожи сшивались вместе, как козьи шкурки. Многие скифы снимают также кожу с правых рук убитых врагов и готовят из этих кож колчаны для своих стрел. Человеческая кожа, – примечает Геродот, – действительно толста и блестяща; блеском и белизной она превосходит почти все другие кожи. Наконец, многие скифы снимают кожу со всего трупа убитого врага, натягивают ее на палки и возят с собой на лошадях.

С головами врагов, не всех, впрочем, но ненавистнейших, скифы обращаются так: они отпиливают ту часть головы, что повыше бровей, и потом очищают череп изнутри; если скиф – человек бедный, он обтягивает череп снаружи сырой бычачьей кожей и в таком виде пользуется им; если же он богат, то, обтянувши кожей, покрывает череп внутри золотом и употребляет его вместо чаши. Поступают так скифы и с теми родственниками, с которыми входят в расприю, если царь, разобрав дело, выдаст их им головой. Когда приходят в гости лица, которым скиф хочет оказать особое внимание, то он выставляет черепа и подробно рассказывает, кому из его врагов или родственников они принадлежали, по каким поводам возникла вражда и каким образом он вышел из распри победителем.

Один раз в году каждый начальник в своем околотке готовится чашу вина, из которой пьют лишь те скифы, которые умертвили врагов; те же из них, за которыми нет таких подвигов, не вкушают этого вина и как обесчещенные садятся в стороне; это самый тяжкий позор для них. Напротив, если кто из скифов убил очень много врагов, тот получает две чаши и пьет вино из обеих разом».

Только богу войны Арею приносились человеческие жертвы – взятые в плен на войне неприятели; другим же богам в жертву приносились только животные. В честь Арея в каждом скифском племени воздвигали огромный холм из сухого хвороста, на котором водружался большой старинный железный меч.

«Этому-то мечу ежегодно, – рассказывает Геродот, – приносится в жертву рогатый скот и лошади, а сверх того, совершается еще и следующее: в честь него умерщвляется каждый сотый мужчина из всего числа взятых в плен врагов и умерщвляется не так, как скот, но иным образом: сделавши предварительно возлияние вином на головы людей, их режут над особым сосудом; потом кровь убитых относят на холм из хвороста и льют ее на меч. Только кровь относится наверх; внизу у холма всем убитым людям отсекают правые плечи вместе с руками и бросают в воздух; покончив с принесением в жертву остальных животных, удаляются. Руки оставляют там, где упали, а трупы лежат отдельно.

Похороны скифских царей и вождей происходили, – рассказывает Геродот, – таким образом: после смерти тотчас же выкапывается большая четырехугольная могила; по изготовлении ее принимаются за покойника и покрывают его тело воском, предварительно разрезав ему живот, который вычищают и наполняют шафраном, толченым ладаном, семенами сельдерея и аниса, а потом сшивают и везут в соседнее село или деревню. По прибытии тела жители в знак печали отрезают себе кончик уха, обстригают в круг волоса на голове, делают на своих руках нарезки, распарывают кожу на лбу и на носу, а левую руку прокалывают стрелами. Отсюда

перевозят труп в другое подвластное село, причем жители первого селения сопровождают покойника. Объехавши таким образом все поселки, над которыми царь владычествовал, тело предается погребению в особой местности, где находятся царские усыпальницы. Здесь трупы хоронят в заранее вырытой могиле, на подстилке из листьев; по обеим сторонам трупа вбивают колья, сверху кладут бруссы и все покрывают ивовыми прутьями. В остальной обширной части могилы хоронят одну из наложниц покойного, предварительно задушивши ее, а также виночерпия, повара, конюха, приближенного слугу, вестовщика, наконец, лошадей, первенцов всякого другого скота и золотые чаши; серебра и меди скифские вожжи не употребляют. После этого все присутствующие устраивают большую земляную насыпь, прилагая особенное старание к тому, чтобы она вышла как можно больше.

По прошествии года скифы возвращаются на могилу и совершают следующее: из оставшихся слуг выбирают пятьдесят самых лучших, которые были особенно угодны покойнику; все эти отроки-слуги – природные скифы, так как царям чужеземные рабы не служат; выбирают также и пятьдесят наилучших лошадей; затем удавливают как слуг, так и коней, вынимают из них внутренности, вычищают брюхо и, наполнивши его отрубями, зашивают. Потом укрепляют на двух столбах половину колеса так, чтобы обод был обращен вниз и несколько наискось; против него совершенно так же располагают на двух столбах другую половину колеса. Заготовив вокруг могилы большое количество таких станков, вбивают после этого в удушенных и набитых отрубями лошадей по толстому колу вдоль хребта, доходящему до самой шеи, и в таком виде их поднимают на обода от колес, причем на передних полукругах помещаются плечи лошадей, а на задних держатся туловища у самых бедер, так что обе пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; наконец, накидывают на лошадей уздечки и удила, тянут их вперед и прикрепляют к колышкам. Удушенных же отроков сажают по одному верхом на коней следующим образом: в труп каждого юноши забивается вдоль спинного хребта прямой кол, доходящий до шеи; нижний выступающий конец его вбивается в пробуравленную дыру другого кола, того, что проходит через лошадь; поставивши таких всадников вокруг могилы, скифы расходятся. Так хоронят они своих вождей».

Рассказы Геродота об этих похоронных обрядах скифов, несмотря на их необычность для нашего времени, совершенно справедливы и подтверждаются постоянно раскопкой курганов, в большом количестве разбросанных по югу России. Особенно много этих курганов по Днепру – близ порогов, в нынешней Екатеринославской губернии.

Курганы встречаются различной величины и вида и носят в народе различные названия, очень метко их изображающие. Так, одни называются острыми могилами, потому что имеют вершину, закругленную остро; другие – широкими могилами, по значительной разлогости своих боков; иные рябыми, когда ссыпаны две или три могилы рядом в одну, получившую от этого неправильный, продолговатый вид; если же могила насыпана продольно и правильно, как бы валом, то ей дают название долгой могилы. Два кургана одинаковой величины, стоящие рядом, называются близнецами. Из всех степных курганов особенно замечательны могилы толстые. Этим именем народ обозначает курганы, которые, кроме значительной величины, имеют и особый вид, резко отличающий их от всех остальных. Это могилы с очень крутыми боками, которые, при обширности насыпи, действительно придают ей вид толстоты. Крутизна боков у толстых могил, как оказалось при расследовании, поддерживается окладом, сложенным на подошве кургана из больших нетесаных камней, которые были добываемы в речках и балках, удаленных иногда на значительное расстояние от насыпи.

Степные могилы малой и средней величины обыкновенно не заключают в себе богатых или особенно важных гробниц, но среди толстых могил найдены богатые царские погребения. Хотя почти все исследованные до сих пор учеными могилы были уже в неизвестные времена осматриваемы и разграблены неведомыми нам хищниками, однако в некоторых из них сохранилось достаточно всякого рода предметов, чтобы судить об условиях жизни тех лиц, которые

в них погребены. Иные из могил относятся к очень отдаленным временам, еще до прибытия в эти места славян. Многие могилы, наоборот, были насыпаны значительно позднее, чем жили скифы, описанные Геродотом, но тем не менее встречаются большие курганы и погребения, устроенные именно так, как описывает их Геродот. При разрытии этих курганов находились костяки главных лиц, в них похороненных, в истлевших одеждах, с положенным рядом оружием, а в головах с сосудами для пищи; иногда находят тут же золотые и серебряные украшения, которые носил покойный; обыкновенно рядом с ним имеется женский труп удушенной наложницы, также в истлевшей одежде, и часто с золотыми кольцами, браслетами и другими украшениями на руках; далее обнаруживаются мертвяки убитых вместе слуг и лошадей, сосуды разного рода, конская сбруя, запонки и различные бусы, бляшки, топоры, стрелы, луки, колчаны, наконечники копий, различные монеты – золотые, серебряные, медные, и прочее. Все вещи при раскопках тут же подробно описываются, причем указывается, где и когда каждая найдена; затем разбитые сосуды при возможности тщательно склеиваются, и все отправляется в особые хранилища, из которых главное находится в городе Санкт-Петербурге, рядом с Зимним дворцом, в Императорском Эрмитаже.

Предметы, найденные в скифских могилах, позволяют с большими подробностями восстановить картину нравов тех лиц, кои в них похоронены. Особенно интересны различного рода сосуды и металлические вещи, на которых изображены рисунки из жизни самих скифов. Рисунки эти большею частью сделаны по заказу скифов превосходными греческими мастерами и обыкновенно поражают своей тонкой работой; но встречаются и изделия с рисунками поглубже.

Из рассмотрения рисунков на найденных предметах в наших курганах мы видим, что Геродот замечательно правдиво описывал скифские нравы и обычаи.

В этих нравах и обычаях нас, конечно, больше всего поражает необыкновенная кровавость и жестокость наших древних предков. Сдирание кожи с трупов врагов, обделка черепов родственников, с которыми поссорились, в чаши для вина, наконец, удушение стольких преданных слуг на могиле вождей – все это не может не поражать нас.

Но надо всегда помнить время, в которое жили наши предки; надо помнить, что это было за несколько столетий до рождения Иисуса Христа, который явился, именно чтобы спасти этот жестокий языческий мир, погрязший в потоках крови, и просветить его Своею проповедью любви к ближнему.

В описываемое же время никто о возможности подобной любви к ближнему даже и не подозревал; к тому же если прародители наши и были жестоки к своим врагам, то только потому, что они знали, что и с ними, в случае беды, эти враги поступят точно так же, если еще не хуже. Надо не забывать, что все войны велись тогда с беспощадной жестокостью.

Греки, самые просвещенные из всех тогдашних обитателей Древнего мира, вступили между собою, вскоре после путешествия Геродота в Скифию, в большую братоубийственную войну, продолжавшуюся двадцать семь лет, причем доходили в обращении с побежденными греками же до ужасающих зверств; часто случалось, что, торжественно обещав жителям какого-нибудь осажденного города жизнь и свободу, если те сдадутся, они не затруднялись тотчас же нарушить это слово и предавали доверчивых противников самому безжалостному поголовному избиению, не щадя ни женщин, ни грудных детей.

Еще большей жестокостью и беспощадностью отличались знаменитые римляне; много столетий спустя после описанных Геродотом времен, когда христианская проповедь проникла в Рим, они именно отличались крайним изуверством по отношению к беззащитным христианам и всенародно подвергали их мучительным истязаниям или отдавали на растерзание диким зверям; известно, что римляне водружали христиан на высокие шесты, обмазывали смолой, потом зажигали их, и при пламени таких светочей устраивали веселые ночные пиршества.

Вообще у римлян крайняя жестокость уживалась вместе с утонченной роскошью. Римские императоры и знатные римляне большую часть своего времени проводили в великолепных загородных дворцах, предаваясь там всяким излишествам и истязая при этом беспощадно своих рабов.

Поэтому скифы вовсе не были более жестоки, чем другие.

Если они заставляли своих молодых воинов напиться крови первого убитого ими врага, то это делалось, конечно, только затем, чтобы дать своей молодежи воинскую закалку, между тем соседи скифов – финские племена, жившие рядом с ними на севере России, были во времена Геродота еще настоящими людоедами, причем не гнушались даже поедать тела своих покойных родителей.

Наконец, обсуждая погребальные обычаи скифов, когда на могилах царей или вождей лишалось жизни столько преданных им людей, надо всегда помнить, что наши предки глубоко верили в бессмертие души, но по грубости своей языческой религии полагали, что с покойниками необходимо отправлять на тот свет, чтобы им не было одним скучно, и всех самых близких людей, а также и любимых лошадей. Только поэтому и убивалось столько народу при погребении вождей. При этом также надо помнить, что для самих убиваемых слуг смерть эта считалась самой почетной, и многие шли на нее с радостью. Это была истинная преданность своим повелителям «на живот и на смерть». Благодаря этой беспредельной преданности своим вождям древние славяне и одерживали столько славных побед и поэтому считались непобедимыми.

Сам Геродот очень высоко ставил скифов среди остальных народов за их душевное благородство, разум, отвагу, искусное ведение сельского хозяйства и отличное понимание военного дела. Он называл их справедливейшими. Кроме сего, Геродот ставил также скифам в большую заслугу, что хотя они и были ласковы к чужестранцам, но ничего у них не перенимали, а крепко держались своих родных обычаев и старины.

Главные упреки, которые Геродот делает скифам, – это пагубная для самих же скифов страсть к раздорам между собой и столь же пагубная неумеренность в употреблении вина. Необузданное пьянство скифов всегда сильно поражало трезвых греков, обыкновенно пивших только разбавленное водою вино; у греков даже вошло в обычай говорить, если кто-либо хотел выпить лишнее: «налей-ка мне вина по-скифски» или «ну-ка, подскифь», и тогда виночерпий наливал чистого, неразбавленного вина.

Особенно уважались скифы за их беспредельную преданность близким себе людям, как вождям и родным, так и тем, с кем они побратались.

Обычаи эти у северных инородческих обитателей России сохранились вплоть до московских царей, которые строго приказывали следить за ними своим воеводам и выводить эти «прелести».

Вот один из многих рассказов о том, что значила среди скифов дружба и братство.

Однажды двое скифов, Дандамид и Амизок, побратались между собой. На четвертый день после того, как они вместе пили кровь друг друга, внезапно пришло в их землю другое скифское же племя – савроматы, и так как никто нападения не ожидал, то савроматы перебили многих воинов, многих увели живыми и разграбили дотла жителей. В числе пленных был и Амизок. Когда его уводили, он крикнул друга и напомнил ему кровь и кубок. Услышав это, Дандамид прямо поскакал на глазах у всех к врагам. Савроматы, подняв копья, двинулись на него, чтобы пронзить его, но он крикнул: «Зирин». Если кто произносил это слово, то савроматы не убивали его, но принимали, как явившегося для выкупа пленных. Когда привели его к вождю, он попросил выдачи друга; тот потребовал выкупа, говоря, что не выпустит, не получив большого выкупа. Дандамид сказал: «Что я имел, все расхищено вами, а что я, не имея ничего, могу дать в выкуп, охотно предоставляю вам; приказывай, чего бы ни пожелал. Если же хочешь,

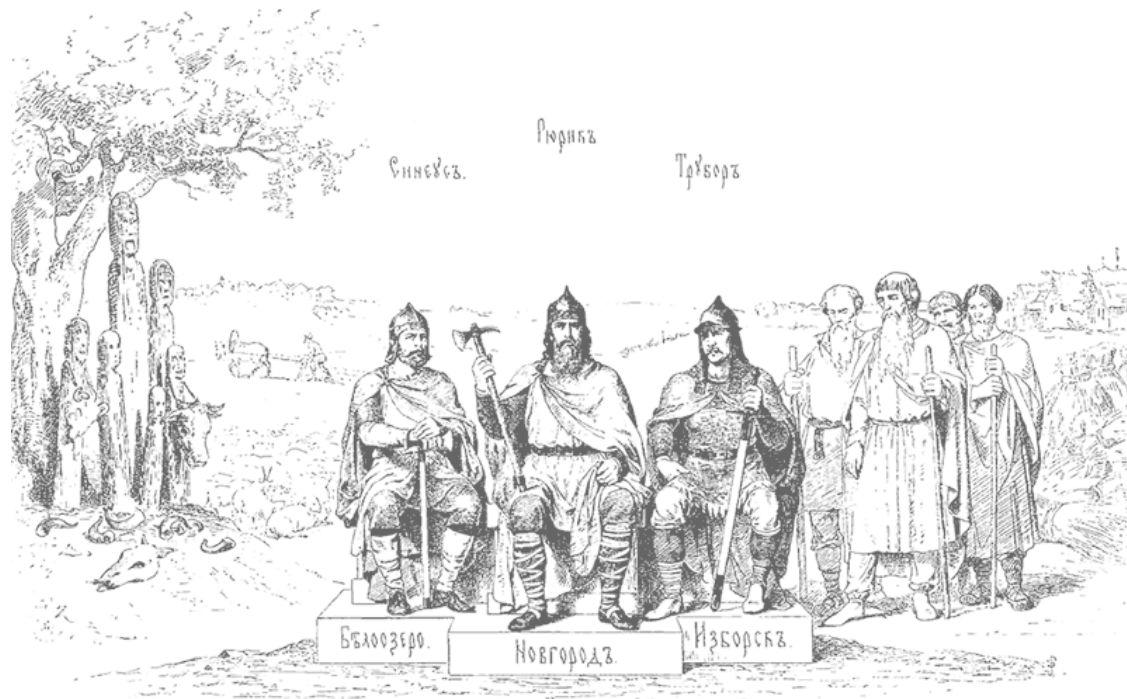
то делай со мной то же, что с моим другом!» Савромат отвечал: «Мне не надо всего тебя, да еще пришедшего со словом «зирин». Уводи друга взамен одного из членов твоего тела».

Дандамид спросил, что он хочет взять; тот потребовал обоих глаз, и Дандамид тотчас предоставил вырезать их. Когда их вырезали и савроматы получили такой выкуп, он, взяв Амизока, пошел назад, опираясь на него; затем они спаслись к своим. После этого савроматы восхваляли скифское племя, на которое напали, и находили, что они не побеждены, так как не лишались лучшего сокровища – хорошего ума и верности друзьям.

Мало того, савроматы были так напуганы этим событием, что ночью совсем ушли. Амизок же, чтобы не отставать от друга, ослепил себя сам, и оба жили в большом почете, содержаемые скифской общиной.

Глава 2

Сведения о Русской земле у писателей после Геродота. Путешествие святого апостола Андрея Первозванного. Походы предков славян против Римской империи. Готы. Гунны объединяют восточных славян. Атиллы. Раздоры славян между собой. Нашествие аваров. Русь во время хазарского ига. Призвание князей

После Геродота никто из писателей не оставил такого подробного и правдивого описания Русской земли, как он, вплоть до первого русского летописца, которым обыкновенно считают преподобного Нестора, инок Киево-Печерского монастыря, жившего в одиннадцатом столетии после Рождества Христова, стало быть, спустя более полутора тысяч лет после Геродота.

Все писатели, которые говорили за эти полторы тысячи лет о наших предках, упоминали о них главным образом только в тех случаях, когда описывали войны, в которых принимали участие славянские племена. Однако, так как славяне были народом воинственным, а войны происходили в разных концах земли непрерывно, то мы и можем найти довольно часто у писателей того или другого народа сведения о наших предках.

Из этих сведений мы видим, что славянские племена всегда и при всех обстоятельствах сохраняли за собою славу бесстрашных и искусных воителей и высокочестных людей.

Вот мнения некоторых писателей, позднейших Геродота, о тогдашних обитателях Русской земли.

«Правосудие у них было запечатлено в умах, — говорил один из этих писателей, — а не в законах; воровство редко и считалось важнее всяких преступлений. Золото и серебро они столько же презирали, сколько прочие смертные желали его».

«Они превосходные воины, потому что военное дело становится у них суровой наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах погибнуть в битве. Умереть от старости или от какого-либо случая — это позор, унижительнее которого ничего не может быть. Они вообще красивы и рослы; волосы их отливают в русый цвет. Взгляд у них скорее воинственный, чем свирепый».

«Племена славян, – пишет другой писатель, – ведут образ жизни одинаковый, имеют одинаковые нравы, любят свободу и не выносят рабства. Они особенно храбры и мужественны в своей стране и способны ко всяким трудам и лишениям. Они легко переносят жар и холод и наготу тела, и всевозможные неудобства и недостатки. Очень ласковы к чужестранцам, о безопасности которых заботятся больше всего: провожают их от места до места и поставляют себе священным законом, что сосед должен мстить соседу и идти на него войной, если тот, по своей беспечности, вместо охраны допустит какой-либо случай, где чужеземец потерпит несчастье».

Чтобы угостить гостя, бедным людям разрешалось даже украсть, хотя воровство и было самым важным преступлением.

«Пленники у славян не так, как у прочих народов, не всегда остаются в рабстве; они определяют им известное время, после которого, внеся выкуп, те вольны или возвратиться в отечество, или остаться у них друзьями и свободными. Часто делают набеги, нечаянные нападения и различные хитрости днем и ночью и, так сказать, играют войной».

«Величайшее их искусство состоит в том, что они умеют прятаться в реках под водой. Никто другой не может так долго оставаться в воде, как они. Часто, застигнутые неприятелем, они лежат очень долго на дне и дышат с помощью длинных тростниковых трубок, коих одно отверстие берут в рот, а другое высовывают на поверхность воды и, таким образом, укрываются неприметно в глубине. Кто даже приметит эти трубки, тот, не зная такой хитрости, сочтет их самородными. Опытные узнают их по отрезу или по положению и тогда или придавливают их ко рту, или выдергивают и тем заставляют хитреца всплыть наверх. Славяне никакой власти не терпят и друг к другу питают ненависть».

В Риме до сих пор стоит огромный столп или колонна, высеченная из камня в честь императора Траяна, жившего в конце I и начале II века по Рождеству Христову и считавшего своим славнейшим подвигом покорение племени даков, обитавших на Балканском полуострове. На Траяновой колонне изображены различные случаи из борьбы римлян с даками, и изображения эти ясно показывают, какими храбрецами были даки и каких огромных трудов стоило могущественному Римскому государству и его закаленным в боях воинам победить сравнительно небольшое племя.

Величайшим источником всех несчастий предков славян являлись их постоянные раздоры между собой. Каждый раз, когда славяне соединялись для какого-либо общего дела вместе, они тотчас же делались грозными и непобедимыми и легко приводили под свою руку тех, кого хотели покорить. Но как только начиналась у славян междоусобица – они сейчас же начинали ослабевать, и этим искусно пользовались их враги, стараясь всеми мерами раздуть еще больше взаимную их вражду между собой.

Сто лет спустя после того, как Геродот составил описание своих замечательных путешествий в Скифскую землю, Александр Македонский, величайший из завоевателей всех времен, который за свою недолгую жизнь (умер 31 года) покорил всю Грецию, Малую Азию, Египет, Персию, Вавилон и часть Индии, причем особенно прославился своими знаменитыми битвами с могущественным персидским царем Дарием Третьим, дважды ходил также против скифов; первый раз, около 335 года до Рождества Христова, против племен, обитавших к северу от Дуная, причем он сжег их главный город, а второй раз, в 328 году до Рождества Христова, против скифов, живших к северу от Аму-Дарьи.

Последний поход окончился неожиданно: Александр, до сей поры совершенно равнодушный к девичьей красоте, был сразу покорен, как только увидел дочь одного из скифских царей – Роксану, и тотчас же женился на ней, а с отцом ее заключил союз. По поручению Александра Македонского один из его морских военачальников обследовал в те времена Каспийское море и первый представил сведения о том, что, поднявшись по Волге, возможно, идя по ее притокам, перевалить к рекам, впадающим в Балтийское море.

После Александра скифы воевали не раз с македонскими царями, и в 293 году до Рождества Христова живьем захватили в степях близ Днестра одного их царя, Лизимаха, со всем его воинством.

Незадолго до тех времен, когда надлежало родиться на свет Господу нашему Иисусу Христу, владычество почти над всем Древним миром перешло, как уже было указано раньше, в руки знаменитых римлян.

Одним из сильнейших их врагов был малоазийский царь Митридат Великий, живший от 121 до 64 года до Рождества Христова. Он владел, между прочим, и греческим Боспорским царством, лежавшим на берегах Азовского моря и Керченского пролива. Этот царь Митридат долго воевал с соседними скифскими племенами, которым и нанес наконец жесточайшее поражение, после чего заключил со всеми ними мир и союз, с целью двинуть соединенные их силы против ненавистного ему Рима. Кроме значительного количества сухопутных войск из всех союзных ему славянских племен, Митридат поднял на Рим и всех побережных жителей Черного моря на их ладьях. Затем он содержал на жалованье морских разбойников и образовал из них такую разбойничью силу, с которой римляне могли еле сладить.

Митридат очень гордился своей победой над скифами. «Из смертных я один покорил Скифию, – говорил он, – ту Скифию, мимо которой прежде никто не мог ни безопасно пройти, ни приблизиться к ней. Два царя – Дарий Персидский и Филипп Македонский осмелились было не покорить, а только войти в Скифию и с позором бежали оттуда, откуда нам прислано теперь великое количество войска против римлян».

После поражения Митридатом скифов, слава непобедимых воинов перешла к соседнему племени, жившему по левому берегу Дона, к савроматам, как называл Геродот, или сарматам, как их называли римляне, а также и к другому славянскому племени, жившему севернее их, к роксоланам. Мало-помалу имя сарматов, благодаря ряду их доблестных подвигов, сделалось общим именем для всех славянских племен, обитавших Русскую землю, и она сама прозывалась одно время Сарматией.

Сарматы особенно отличались быстротой и внезапностью своих набегов; их женщины имели такое же участие в государственных и военных делах, как и мужчины. «Амага, – рассказывал один греческий писатель, – жена сарматского царя, жившего на берегу Черного моря, видя невоздержанность своего мужа в еде и питье, сама творила суд, сама и расставляла сторожевые отряды, и отражала набеги врагов, и сражалась в союзе с соседними племенами, и слава ее была громка у всех скифов. Однажды она поссорилась с одним скифским царем за то, что он обижал херсонесцев, которых она взяла под свою защиту. Царица послала сперва приказание не трогать херсонесцев, но когда скифский царь презрел ее волю, то, собрав 120 человек, крепчайших душой и телом, и дав каждому по три лошади, дабы иметь всегда две в заводу, она проскакала в одни сутки равно 200 верст и, внезапно напав на царский дворец, перебила всех привратников. Скифы, пораженные внезапным набегом, думали, что пришло не столько, сколько они видят, а гораздо больше, и растерялись, а царица быстро вторгнулась со своим отрядом во дворец, где был царь, и убила его и всех приближенных, а владения его отдала херсонесцам».

Страна наша не оставалась без евангельской проповеди в первые же годы после воскресения Христова. Во время своего третьего путешествия апостол Андрей Первозванный, следуя по восточному берегу Черного моря, после проповеди кавказским горцам, посетил города Керчь, Феодосию и Корсунь, откуда отплыл вверх по Днепру и, прибыв в ненаселенные тогда горы у Киева, водрузил крест, сказав своим ученикам: «Видите ли горы сии; на горах этих воссияет благодать Божия, и будет большой город, и много церквей будет воздвигнуто здесь по изволению Божьему».

Основанная апостолом Андреем церковь верующих в городе Корсунь вскоре подверглась сильным гонениям, и римляне сделали этот город местом ссылки христиан. Так, сюда была

сослана, в первом же веке после Рождества Христова, племянница римских императоров Тита и Домициана, Флавия Домитилла, христианка, и долго содержалась в заключении, а при императоре Траяне – и римский епископ святой Климент, который должен был исполнять тяжелые работы в каменоломнях. Святой Климент усердно насаждал христианство в Корсунь и основал до 75 церквей, вследствие чего, по повелению из Рима, был схвачен, отвезен за две версты от города в море и брошен в воду с железным якорем на шее, чтобы христиане не могли достать его мощей. Но мощи эти были обретены и перевезены в Рим, – в IX веке после Рождества Христова, – святым Кириллом Философом; часть же этих мощей осталась в Корсунь и была взята в Киев святым Владимиром после своего крещения.

За пределами Корсуни в нашей стране проповедь святого апостола Андрея не принесла заметных плодов; слишком грубы еще были наши нравы, и только отдельные личности могли воспринять божественные истины учения Христа.

Митридат Великий научил предков славянских племен ходить на римские границы; после Рождества Христова как отдельные племена славян, так и соединенные по несколько вместе начинают часто тревожить эти границы, тем более что одно время они очень близко подходили к нашим южнорусским степям, так как римские владения в I веке после Рождества Христова захватывали уже и греческий город Ольвию, близ нынешнего Николаева. Укротить римлянам славян было очень трудно, по той причине, что государств у них не было; жили они особыми племенами и дружинами, каждый сам по себе; ни союзов, ни договоров заключать было не с кем; никто за другого не отвечал, а всякий, выждав случай и собравшись с силами, действовал по своему рассуждению и без малейшего повода бросался в римские земли.

Поэтому римляне признали нужным откупаться от славян и в 69 году после Рождества Христова уже содержали на жалованье старшин некоторых славянских племен, обитавших в Русской земле, то есть попросту платили этим старшинам дань.

Особенно неприятны были для римлян пограничные славянские племена, когда они предварительно соединялись вместе и затем уже совершали свои нашествия. Из таких нашествий самым грозным было нашествие при императоре Марке Аврелии, продолжавшееся целых четырнадцать лет, от 166 до 180 года по Рождестве Христове; в нашествии этом принимали участие не только соединенные славянские племена, но также и германские народы, причем после усмирения германцев римляне долго еще продолжали войну со славянами; среди этих славян особенно прославились два племени, жившие в России: роксоланы и языги.

Война с ними велась римлянами с большим ожесточением, и очень много народу погибло с обеих сторон. Спустя много лет после войны языги возвратили Риму 100 тысяч римских пленников.

Римляне же такого количества пленников возвратить не могли, так как они поступали обыкновенно со своими военнопленными следующим бесчеловечным образом: в Риме было построено огромное здание, совершенно круглое, вокруг большой площади; в нем могло помещаться сразу до 100 тысяч человек. Сюда постоянно собирались обитатели Рима для своих развлечений, которые заключались в том, что христианских мучеников травили на площади дикими зверями, а также и в том, что на площадь пригонялись римские пленники, каждый со своим оружием; затем их разводили по площади и заставляли сражаться друг против друга, поодиночке или целыми отрядами, каждого по обычаю своей страны, до тех пор, пока они себя взаимно не уничтожали. В Риме до настоящих дней сохранились развалины этого огромного здания, называвшегося Колизеем. Сохранилось также и высеченное в те времена из дорогого камня изображение такого умирающего пленника после боя, веденного им для потехи развратной и жадной до крови римской толпы. Взглянув на это изображение, мы легко можем узнать в нем своего брата славянина: у умирающего совершенно те же черты лица, какие мы постоянно встречаем у русских людей; надета у него на шее и гривна, которые так любили носить наши предки.

Описанная четырнадцатилетняя война Рима с предками славян, прозванная Сарматской, послужила как бы военной школой для всех пограничных Риму народов. Она научила эти народы подниматься на римские области не в одиночку, а целыми союзами. Славяне производили при этом свои нападения как сухим путем, так и водою; собираясь на своих ладьях у устьев Днепра и Дона, они смело пускались на них в море и доходили не только до Византии и Малой Азии, но достигли и до самых Афин и Рима.

Все эти походы не могли не беспокоить сильный Рим, и, чтобы избавиться от этих постоянных нашествий, римские императоры стали употреблять все усилия, чтобы ссорить между собою различные племена и этим отвлекать их от своей столицы. Этот способ действий так и назывался у римлян: «разделять и властвовать». Особенно это разделение своих противников удалось императору Диоклетиану, царствовавшему в начале IV века после Рождества Христова и оставившему по себе память жестокого гонителя христиан. Диоклетиан сумел натравить германские племена, которые носили общее имя готов, на славян, после чего они и славяне оставили Рим в покое и стали в течение долгих лет ожесточенно истреблять друг друга.

Эта вражда готов и славян продолжалась и во время царствования святого Константина равноапостольного, первого из императоров, принявшего святое крещение и много способствовавшего со своей супругой равноапостольной царицей Еленой к распространению Христовой веры. При нем, в 321 году, славянские удалы с низовьев Дона и берегов Азовского моря пришли на судах на Дунай и осадили какой-то город, так что сам император должен был поспешить к нему на защиту и отразить нападающих.

Когда в 332 году готы стали слишком нападать на славян, живущих в Русской земле, то они обратились к святому Константину с просьбой помочь им, и император укротил готов и приказал противникам помириться. Однако мир этот не понравился славянам, и они стали опустошать земли святого Константина, теперешние Сербию и Болгарию. Тогда император усмирил их и принудил к миру.

После кончины святого Константина вражда между готами и славянами вспыхнула опять с новой силой, и готы стали забирать верх, особенно когда они объединились под рукой их героя-завоевателя – Германриха. Германрих со своими соединенными силами начал сильно теснить своих противников; он перешел Днепр, подчиняя себе по пути встречающиеся славянские племена, и доходил даже до Дона.

Но гнет чужестранцев скоро стал невмочь нашим свободолюбивым предкам, и все тогдашние обитатели Русской земли стали подниматься на общего врага.

Первыми поднялись храбрые обитатели низовьев Дона и Днепра; они двинулись под именем гуннов против Германриха, присоединяя к себе по мере движения вперед и все подвластные готам славянские племена.

Когда до Германриха дошла весть о движении гуннов, то на готов напал страх и они стали держать со своим королем совет, что делать. В это время роксаланы, которые перед тем были покорены готами, заслышав о приближении гуннов, передались на их сторону; при этом и один из вождей роксаланов, бывший при Германрихе, так же точно покинул его, оставив, однако, во власти короля свою жену – Сонильду. Рассвирепевший Германрих приказал, за бегство мужа, казнить несчастную Сонильду; ее привязали к диким лошадям, и она была растерзана на части. Двое из ее родственников, мстя за смерть неповинной женщины, поразили Германриха мечом в бок. После этого он влачил еще некоторое время жизнь, но однажды был захвачен врасплох гуннами и после долгой битвы, видя всю безуспешность ее, в отчаянии и страхе от неминуемой гибели, сам лишил себя жизни, кинувшись на свой меч. Он умер ста десяти лет от роду. После Германриха долго вел войну с гуннами храбрый готский король Винитар. Сначала он был побежден гуннами, но затем захватил одного из их князей – Богша и, чтобы навести ужас на врагов, распял его вместе с сыновьями и 70 старейшинами на крестах. После этого Винитар

спокойно царствовал целый год, до тех пор, пока повелитель гуннов Валамир, собрав сильную рать, не двинулся против него.

Две битвы были выиграны Винитаром, и невозможно себе представить ту ужасную резню, которую он произвел в войске гуннов. В третий раз полки сошлись на реке Прут. Здесь Винитар погиб от стрелы, которую ему пустил в голову сам Валамир. После этого Валамир взял себе в жены Валадамарку, племянницу Винитара, а готский народ без сопротивления покорился гуннам.

Так опять, соединившись вместе под рукою храброго и искусного вождя Валамира, снова входят в силу и славу славянские племена, обитавшие нашу Родину, – на этот раз под новым общим именем гуннов. По всем немецким, или, как тогда называли, готским, областям разнесся слух о появлении неведомого диковинного народа, который то как вихрь спускался с высоких гор, то будто вырастал из земли и все, что ни попадалось на пути, опрокидывал и разрушал.

Особенно стали грозны гунны, когда над ними, около 444 года, воцарился Атила. К этому времени, бывшая столько веков единой, Римская империя была уже разделена надвое: разделение это произошло в 395 году, когда скончался один из преемников императора Константина равноапостольного – Феодосий Великий и передал Римскую империю своим двум сыновьям, разделив ее на две – Восточную и Западную империи. С той поры западные императоры проживали в Риме, а восточные – в городе Константинополе, или Византии, который славяне называли Царьградом.

Само собой разумеется, что это разделение бывшей столько веков крепкой Римской державы вскоре же повело к раздору между собой правителей ее обеих половин, а вследствие этого и к их взаимному ослаблению. Ослабление это проявилось особенно сильно, когда Атила стал во главе гуннов. По просьбе западного императора он сперва стал поддерживать его против восточного, но затем сам поссорился с первым и вступил с ним в борьбу.

Готы, которых окончательно покорил Атила, прозвали его Божиим Бичом и в своих описаниях выставляли как его самого, так и славных гуннов какими-то чудовищами, вроде того, как древние греки выставляли наших предков – кентаврами и амазонками. Эти готские писатели повествовали, что гунны вышли с берегов Азовского моря и устьев Дона и произошли от браков ведьм с нечистыми духами.

«Они, – рассказывали готы про гуннов, – когда родятся у них дети мужского пола, то изрезают им щеки, чтобы уничтожить всякий зародыш волоса. Однако у всех у них коренастый стан, члены сильные, шея толстая, голова огромная. Скорее это двуногие животные, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные в образе человека; на своих лошадях, нескладных, но крепких, они точно прикованы и справляют на них всякого рода дела. Начиная битву, они разделяются на отряды и, поднимая ужасный крик, бросаются на врага. Рассыпавшись или соединившись, они и нападают и отступают с быстротой молнии. Но вот что особенно делает их напуганнейшими воинами на свете – это, во-первых, их меткие удары стрелами хотя бы и на далеком расстоянии, а во-вторых, когда в схватке один на один дерутся мечами, они с необыкновенной ловкостью в одно мгновение накидывают на врага ремень и тем лишают его всякого движения.

Они не больше зверей понимают, что честно и что бесчестно. Самый разговор они ведут двусмысленно и загадочно. Язык их едва напоминает человеческий язык».

Так описывали готы своих лютых врагов – гуннов.

Если из этого описания мы откинем все, что прибавлено готской озлобленностью, то увидим в гуннах прямых потомков наших удалых предков, изгнавших гордого персидского царя Дария из наших черноморских степей. А что у предков наших бывало порой в обычае брить бороду и даже голову, оставляя на ней только одну чупрыну, так этим были известны

и славные запорожские казаки; да и теперь еще среди донского казачества многие бреют себе бороду.

Греческие писатели, жившие в том же веке, описывают гуннов совершенно иначе, чем готские летописцы. Из описаний этих греческих писателей легко увидеть, что гунны были прямые потомки скифов, а Атилла – мудрейшим государем и искуснейшим воинским вождем. Он строго наблюдал за правосудием и не терпел притеснений народа чиновниками, а потому неудивительно, что греки и римляне, в особенности промышленники и искусные мастера, тысячами переходили к Аттиле.

Послушаем одного из таких греческих писателей-очевидцев, который сам ездил к страшным гуннам, сам видел Аттилу и наблюдал, как живет этот могучий человек. Очевидец этот – грек Приск, секретарь посольства, которое послал к Аттиле византийский император в 448 году.

Причина, почему было послано посольство, следующая: когда гунны заключили мир с греками, предварительно нанеся им тяжелое поражение, то Атилла строго потребовал, чтобы ему возвратили всех его перебежчиков; кроме того, он потребовал уплаты огромной дани и чтобы торжища на греческой земле между греками и приезжающими в нее гуннами происходили на равных правах и без всякого опасения для гуннов.

Греки на все эти условия согласились, но медлили затем в выдаче некоторых знатных гуннских перебежчиков и наложенной дани, которая была так тяжела, что даже богатые греки выставляли на продажу уборы жен и свои пожитки.

Настаивая на выдаче своих перебежчиков и правильной уплате дани, Атилла постоянно посылал в Византию послов, причем кому из своих любимцев хотел сделать добро, того и отправлял послом, так как послов по обычаю богато дарили.

В 448 году в Византию прибыл опять посол Аттилы. То был Эдикон, скиф, отличавшийся великими военными подвигами.

Атилла послал к императору грамоту, в которой жаловался, что ему не выдают перебежчиков, и грозил войной. На этот раз греки ухитрились войти в тайные сношения с послом Эдиконом и предложили, что осыпят его золотом, если он изведет Аттилу. Эдикон согласился, и для этого дела с ним же было отправлено от императора посольство, в котором находился и Приск; все нити заговора были в руках грека Вигилы, одного из членов посольства; сам же греческий посол и его секретарь Приск ничего не знали о заговоре.

Прибыв к берегам Дуная, греческое посольство встретилось с гуннами, среди которых был и Атилла, развлекавшийся здесь охотой. На другой день по прибытии посольство пожелало представиться Аттиле, но Атилла уже знал о заговоре на его жизнь (вероятно, верный Эдикон предупредил его) и приказал грекам тотчас же убираться домой, если они не скажут главной цели своего посольства. Ввиду этого посол, все не зная о заговоре, собрался уже уезжать, как на другой день Атилла, которому объяснили, что посол в этом деле ни при чем, объявил, что он примет посольство.

«Мы вошли, – описывает этот прием Приск, – в шатер Аттилы, охраняемый многочисленной стражей. Атилла сидел на деревянной скамье. Мы стали несколько поодаль, а посол, подойдя, приветствовал его. Он вручил ему царскую грамоту и сказал, что император желает здоровья ему и всем его домашним. Атилла отвечал: «Пусть и грекам будет то, чего они мне желают». Затем Атилла обратил вдруг свою речь к Вигиле, не показывая, однако, вида, что ему что-либо известно о заговоре; он назвал его бесстыдным животным за то, что тот решился приехать к нему, пока не выданы еще все гуннские перебежчики. Вигила отвечал, что у них нет ни одного беглого из скифского народа, все выданы. Атилла утверждал, что он византийцам не верит, что за наглость слов Вигилы он посадил бы его на кол и отдал бы на съедение птицам и не делает этого только потому, что уважает права посольства».

После такого приема Вигила с гунном Ислою был отправлен к императору в Византию, будто бы собирать беглых, а на самом деле за тем золотом, которое было обещано Эдикону.

Послы же и Приск отправились следом за Аттилой дальше к северу, причем по дороге он заехал в одно селение, в котором женился на молодой девушке. Аттила имел много жен, но хотел жениться и на этой девушке, согласно с обычаем скифским.

«Наконец, переехав через некоторые реки, – продолжает Приск, – мы прибыли в одно огромное селение, в котором был дворец Аттилы. Этот дворец, уверяли нас, был великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах: он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградой, более служащей к украшению, нежели к защите. Недалеко от ограды была большая баня, построенная Онигисием, имевшим после Аттилы величайшую силу между скифами. При въезде в селение Аттила был встречен девами, которые шли рядами под тонкими большими покрывалами. Эти девы, приветствуя Аттилу, пели скифские песни.

Когда Аттила был подле дома Онигисия, мимо которого пролегала дорога, ведущая к царскому дому, супруга Онигисия вышла из дома со многими служителями, из которых одни несли кушанье, а другие вино. Это у скифов было отличнейшее уважение. Они приветствовали Аттилу и просили его вкусить того, что ему подносят в изъявлении своего почтения. В угодность жене своего любимца Аттила, сидя на коне, ел кушанья из серебряного блюда, высоко поднятого служителями».

Выпив вина, поднесенного ему слугами, он поехал в царский дом, который был выше других и построен на возвышении.

На рассвете следующего дня Приск отправился к Онигисию с дарами и чтобы узнать, как будут вестись переговоры с послами.

Ожидая у ворот Онигисиева дома, пока тот примет его, Приск увидел человека, судя по одежде, скифа, который подошел к нему, приветствуя его на греческом языке.

Приск очень удивился этому, зная, что скифы не говорят по-гречески, а этот человек был по виду знатным скифом, богато одетый и с головой, остриженной в кружок, и спросил его, кто он таков. Оказалось, что это был грек из одного византийского города на Дунае; он был богат, но при взятии города гуннами попался в плен и за богатство достался при разделе пленных Онигисию, потому что богатые люди доставались после Аттилы на долю его вельможам. «После я отличился в сражениях против римлян, – говорил грек, – и отдавал своему господину, по скифскому закону, все добытое мной на войне; получив свободу, я женился на скифской женщине, прижил детей и теперь благоденствую. Онигисий сажает меня за свой стол, и я предпочитаю настоящую свою жизнь прежней, ибо иноземцы, находящиеся у скифов, после войны ведут жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тем, что у него есть, и никем не тревожится». После этого грек стал хвалить скифское житье перед греческим.

Таким образом, своим рассказом грек подтвердил Приску, что гунны вовсе не были жестокими и кровожадными чудовищами, как их описывали готы, а добрыми и справедливыми людьми, по-отечески относившимися к своим пленным, чем издревле и славились.

На другой день после описанного разговора Приск с другими членами посольства был приглашен к обеденному столу самого Аттилы.

«В назначенное время, – говорит Приск, – пришли мы и стали на пороге комнаты против Аттилы. Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы поклонились прежде, нежели сесть. Сделав это и вкусив из чаши, мы пошли к седалищам, на которые надлежало нам сесть пообедать. Скамьи стояли у стен комнаты по обе стороны. В самой середине сидел на ложе Аттила. Первым местом для обедающих почитается правая сторона от Аттилы; вторым – левая, на которой сидели мы. Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле и поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был в первом ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал; ему было позволено сесть не прежде,

чем Аттила возвратит виночерпцу чашу, выпив вино или отведав его. Когда он садился, то присутствующие чтили его таким же образом: принимали чашу и, приветствовав, вкушали из нее вино. По оказании такой же почести второму гостю и следующим за ним гостям Аттила приветствовал и нас, наравне с другими, по порядку сидения на скамьях. После того как всем была оказана честь такого приветствия, виночерпцы вышли. Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей, так, чтобы каждый мог брать из положенного на блюде кушанья, не выходя из ряда седалищ. С кушаньем первый вошел служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанья и хлеб. Для других гуннов и для нас были приготовлены яства, подаваемые на серебряных блюдах, а перед Аттилою ничего больше не было, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он показывал умеренность. Пирующим подносились чарки золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Одежда на нем была также простая и ничем не отличалась, кроме опрятности. Ни висящий при нем меч, ни застежки скифской обуви, ни узды его лошади не были украшены золотом, камнями или чем-либо драгоценным, как водилось у других скифов.

После того как наложенные на первых блюдах кушанья были съедены, мы все встали, и всякий из нас не ранее пришел к своей скамье, как выпив прежним порядком поднесенную ему полную чашу вина и пожелав Аттиле здравия. Изъявив ему таким образом почтение, мы сели, а на каждый стол было поставлено второе блюдо с другими кушаньями. Все брали с блюда, вставали по-прежнему, потом, выпив вино, садились.

С наступлением вечера зажжены были факелы. Два гунна, выступив против Аттилы, пели песни, в которых превозносились его победы и оказанная в боях доблесть.

Собеседники смотрели на них: одни тешились, восхищались песнями и стихотворениями, другие воспламенялись, вспоминая о битвах, а которые от старости телом были слабы, а духом спокойны, проливали слезы.

После песен какой-то скиф, юродивый (шут-дурак), выступил вперед, говорил речи странные, вздорные, не имеющие смысла и рассмешил всех.

За ним предстал собранию горбун Зеркон Маврусий. Видом своим, одеждою, голосом и смешно произносимыми словами, ибо он смешивал языки латинский с готским и гуннским, он развеселил присутствующих и во всех них, кроме Аттилы, возбудил неугасимый смех. Один Аттила оставался неизменным и непреклонным и не обнаруживал никакого расположения к смеху. Он только потягивал за щеку младшего из своих сыновей, вошедшего и ставшего подле него, и глядел на него веселыми, нежными глазами».

На другой день послы стали просить об отпуске. Онигисий сказал им, что и Аттила хочет их отпустить. Потом он держал совет с другими сановниками и сочинял письма, которые надлежало отправить в Византию.

«Между тем, – продолжает Приск, – Крека, супруга Аттилы, пригласила нас к обеду у Адамия, управляющего ее делами. Мы пришли к нему вместе с некоторыми знатными скифами, удостоены были благосклонного и приветливого приема и угощены вином. Каждый из предстоящих, по скифской учтивости, привставал, подавал нам полную чашу, потом обнимал и целовал выпившего и принимал от него чашу. После обеда мы пошли в свой шатер и легли спать.

На другой день Аттила опять пригласил нас на пир. Мы пришли к нему и пировали по-прежнему. Во время пиршества Аттила обращал к нам ласковые слова. Мы вышли с пиршества ночью. Во время этих пиров, – рассказывает Приск, – наравне с вином подавали мед и особый напиток – кам».

По прошествии трех дней послы были отпущены с приличными дарами и на возвратном пути встретились с Вигилой, участником заговора на жизнь Аттилы, который вез теперь золото, назначенное для подкупа Эдикона. Но Аттила, раньше предупрежденный об этом заговоре, по

прибытии Вигилы заставил его рассказать, как было дело, отобрал у него все золото и велел привезти его еще для выкупа самого Вигилы. Затем Атила послал в Византию своего посла Ислу и преданного ему римлянина Ореста, которого он всегда употреблял при переговорах, домочадца и писца. Оресту приказано было навесить себе на шею мошну, в которой Вигила привез золото для передачи Эдикону; в таком виде предстать перед царем, показать мошну ему и евнуху Хрисафию, первому заговорщику, и спросить их: узнают ли они мошну? Послу Исле велено было сказать царю изустно: «Ты, Феодосий, рожден от благородного родителя, и я сам, Атила, хорошего происхождения и, наследовав отцу моему, сохранил благородство во всей чистоте. А ты, Феодосий, напротив того, лишившись благородства, поработился Аттиле тем, что обязался платить ему дань. И так ты нехорошо делаешь, что тайными кознями, подобно дурному рабу, посягаешь на того, кто лучше тебя, кого судьба сделала твоим господином».

Таков был Атила, повелитель грозных гуннов. Из описания Приском обычаев при его дворе мы видим, что они были чисто славянские, и притом именно совершенно такие, какие в течение долгих столетий мы будем видеть при дворах наших московских царей.

Кроме борьбы с императором Восточной империи, Атила вступил в продолжительную вражду и с императором Западной Римской империи – Валентинианом Третьим. Первоначальной причиной этой вражды была сестра Валентиниана – Гонория, которая отличалась бешеным нравом, почему ее мать поступала с ней необыкновенно строго и требовала, чтобы она оставалась безбрачной. Гонория, чтобы освободиться от тяжкого ига, послала Аттиле кольцо с предложением своей руки. Атила предложение это принял и потребовал от ее брата не только согласия на брак, но и часть Римской империи в приданое за сестрой. Валентиниан отказал, Атила же упорно стоял на своем, и разногласие это привело в конце концов к кровопролитной войне. Поход Аттилы в этой войне был подобен переселению народов. Все германские и славянские племена были принуждены принимать в ней участие. Так он дошел до самого сердца Франции, и здесь, на Каталаунских полях, произошла страшная битва народов, после которой обе стороны разошлись, каждая приписывая себе победу.

Это было в 451 году, а через два года погиб Атила. Он умер на своей свадьбе, будто бы выпивши много вина. Ввиду его замечательной всегдашней трезвости, вернее всего, что его отравили.

Владычество после Аттилы над всеми подвластными ему народами перешло к его сыновьям. Между ними тотчас же возникли распри, и грозная гуннская держава быстро распалась; подвластные германские племена стали независимыми; часть славянских племен, под главенством младшего сына Аттилы, села на Дунае и образовала болгарский народ, а восточнославянские племена ушли к себе за Днестр и Днепр – в Русскую землю и распространились до Кавказских гор. Распри между наследниками шли непрерывно; этим, конечно, не замедлили воспользоваться соседи, особенно греки. Сыновья Аттилы посылали в Царьград посольства, прося установить между греками и гуннами старинные торги, но получали, несмотря на всю выгоду этой просьбы для греков, отказы, конечно, только для того, чтобы показать детям грозного Аттилы, что в Византии на их просьбы уже не обращают больше внимания.

Неприятные действия между славянами и греками усилились, особенно при греческом императоре Юстиниане Первом, царствовавшем с 527 до 562 года.

Во время его правления, в 558 году, несметная сила разных славянских племен перешла Дунай; часть из них направилась по Греции, а другая прямо к Царьграду, и опасность для города была так велика, что для защиты его было поставлено не только все войско, но и мещане и окрестные крестьяне. Только хитростью удалось старому византийскому вождю Велизариию обойти предводителя славян Завергана, который получил за выкуп пленных огромную сумму денег и отошел к Дунаю.

После этого случая, чуть не окончившегося захватом Константинополя, Юстиниан принял все меры, чтобы подобного нашествия не повторялось. Для этого он решил жестоко рассорить между собой славян, а затем навести на ослабленных противников еще нового врага.

Все это вполне удалось Юстиниану.

Посылкой богатых даров и искусным натравливанием одного вождя на другого он надолго рассорил славянские племена, обитавшие в южных степях; они вступили между собою в ряд больших кровопролитных столкновений; а когда они были совершенно обессилены, то на них с востока, из далекой Азии, было призвано греками родственное нынешним туркам племя, обры, или авары; авары перешли Волгу и Дон и после жестокой борьбы подчинили себе совершенно ослабленные междоусобной распрей южнорусские племена.

Славяне оказывали аварам всюду самое бесстрашное сопротивление, но вследствие своей разрозненности, разумеется, не могли одержать верх над соединенными силами врага и в конце концов были поработаны, вызвав своим упорством сильнейшее раздражение в победителях. Особенно досталось племени дулебов, или бужан, живших по реке Бугу. Сотворили авары большое насилие над их женами. «Когда случалось обрину куда-либо ехать, – говорит наш летописец, – он не запрягал в телегу лошадей или волов, а впрягал наших женщин тройкою, четверкою или пятериком; так и ездил, куда было надо».

Однако власть аваров распространилась далеко не над всеми славянами. Чтобы избежать аварского ига, немало удалых дружин перешло на Дунай в Болгарию, Сербию и Хорватию. Когда аварский повелитель, который назывался хаганом, послал к хорватам, населявшим Карпатские горы, требование покорности и дани, то князь их, Добрита, так ответил аварским послам: «Еще не родился на свет и не ходит под солнцем тот человек, который бы мог одолеть нашу силу. Наше дело завоевывать чужие земли, а своей не отдадим в неволю никому, пока есть на свете меч и сила». Несмотря на то что после таких гордых слов хорватов они даже убили аварских послов, повелитель последних в ту пору так и оставил хабрецов в покое.

Утвердившись, по приглашению греков, на побережье Черного моря, авары начали скоро воевать и с самими греками. В 628 году они вместе с персами и с помощью славян из России осаждали даже самый Царьград, причем одна часть славянского войска действовала с сухого пути, а другая на многочисленных лодках-однодревках должна была по данному знаку напасть на столицу с моря. Но греки, вовремя узнав об этом замысле, предупредили врагов и, выведя свои суда, разгромили все славянские однодревки, причем между убитыми и потонувшими воинами были найдены и женские трупы.

Много помогла грекам и наставшая в это время буря. Кое-как спасшиеся остатки славян спустились к берегу и собрались в стан хагана, который в негодовании за неудачу велел всех их казнить. Когда сухопутные славянские дружины, узнав об этом зверстве, оставили хаганово войско и пошли по домам, то хаган принужден был тоже отойти прочь от города.

Неожиданная буря, помогшая грекам разметать славянские однодревки, а затем неразумный гнев хагана, вследствие чего он лишился своих подручников и должен был отступить, были почтены обитателями Царьграда как святое и чудное дело заступничества Божией Матери, так как славянские однодревки были уничтожены в виду царьградского храма Влахернской Богородицы. С тех пор, в память этого заступничества от неминуемой гибели, и установлена особая служба Божией Матери – акафист, что означает по-гре чески – неседален, так как она совершается церковным пением во всю ночь стоя; с тех же пор во время всенощной всегда поется песнь: «Взбранной Воеводе, Победительная», причем «злыми» в этой песне именно подразумевались наши предки славяне.

Этот аварский поход на греков был последним. С тех пор самое имя аваров мало-помалу совсем исчезает и заменяется именем хазаров. Произошло это следующим образом: в воинственную среду аваров весьма быстро проникли в значительном количестве иудеи, которые были самым деловым и промышленным инородческим племенем из живших в устьях Волги и

по черноморскому побережью. В то время как чисто военный народ, авары, добывал себе силу и славу, покоряя и разоряя разрозненных усобицами славян, иудеи быстро добывали себе другую силу, захватывая в свои руки богатейшую торговлю, бывшую до времени аварского нашествия, конечно, в руках наших предков, так как предки наши были всегда не только отважными воинами, но и славными купцами.

Захватив все торговые дела в крае, иудеи, вследствие своей сметливости, быстро захватили совершенно мирным путем и всю власть в аварских владениях в свои цепкие руки, а затем скоро и эти аварские владения стали известны уже под именем государства Хазарского, где первенствующим сословием были именно иудеи.

Столица хазар была сперва на Каспии, который тоже стал прозываться хазарским морем, у нынешнего селения Тарки, а затем она была перенесена, когда арабы потеснили их с Кавказа, на устье Волги, в город Итиль, несколько ниже нынешней Астрахани.

Во главе Хазарского государства стоял неограниченный повелитель – каган, или хакан, иудей по происхождению и вере. Он жил особо со своим двором и военной свитой и очень редко показывался перед народом. Могущество хакана было таково, что если он кому из знатных приказывал: «поди умри», тот неизменно исполнял его волю и убивал себя. Ниже хакана стоял царь – наместник хазарский, тоже иудей. Хотя царь этот и ведал всеми делами, но к хакану обязан был входить босыми ногами, держа в руках лучину какого-то дерева, которую тут же зажигал. Хазары распространили свое владычество на всю нынешнюю южную и среднюю Россию, и все земледельческое славянское население принуждено было платить им дань.

Греки же держали с хазарами постоянно самую тесную дружбу, и даже греческие цари вступали с их хаканами в родство, решаясь отдавать им в замужество дочерей или сами женясь на хазарках, лишь бы связями и дружбой с этим народом обуздать, а то и вовсе истребить всегда опасные для них дружины славян на низовьях Днепра и Дона. Для этого были призваны авары; для этого же не гнушались гордые греческие императоры родниться с хазарскими хаканами.

Таким образом, по всему русскому побережью Черного моря наступила большая тишина, которая была достигнута успешным, но коварным поведением правителей Византии, всегда натравлявших одних своих врагов на других, а теперь нашедших себе в торговых хазарах самых лучших друзей и охранителей своего спокойствия.

Но, конечно, такому блестящему успеху тайных стремлений греческих императоров, больше всяких аваров и хазар, способствовало пагубное свойство самих славян – страсть к раздорам между собой, на которую указывал еще Геродот и многие писатели после него.

Понадобилось целых двести лет, чтобы в половине IX столетия наши предки вошли опять в прежнюю силу и по-прежнему стали работать на Черном море не только торговлей, но и войной.

Что же происходило за эти двести лет в Русской земле? Об этом дают нам некоторые сведения арабские писатели и первый русский летописец.

Арабы были полукочевниками, происходившими от колена Сима. Они жили отдельными племенами и заселяли с незапамятных времен Аравийский полуостров в Азии.

В 571 году среди арабов родился замечательный человек по имени Магомет. С ранней молодости он отличался большим отвращением к грубому идолопоклонству, которому были преданы его соотечественники. Путешествуя однажды по торговым делам в Сирии, Магомет познакомился с одним христианским монахом Георгием, который стал наставлять его в евангельском учении. Магомет христианства не принял, но в душу его глубоко запало учение о едином всемогущем Боге христиан, и он получил еще большее отвращение к идолопоклонству. Женившись затем на богатой вдове, у которой он был приказчиком, Магомет долгое время занимался торговлей и приобрел уважение соплеменников своей честностью и правдивостью. При этом он не переставал предаваться благочестивым размышлениям и, наконец, решил сам создать новую религию, поставив во главе ее единого бога и объявив себя его пророком.

Вначале проповедь Магомета не имела никакого успеха, и он был даже осмеян, но мало-помалу около него стали собираться все арабы, не сочувствовавшие идолопоклонству, тем более что Магомет проповедовал строгую честность, благородство, храбрость, разрешал многоженство и обещал всем павшим в боях с врагами воинам – вечное блаженство на том свете, в особом раю с красивейшими девушками.

Так как арабы отличались наибольшим благородством из всех потомков Сима, а также и большой воинственностью, то учение Магомета стало все более приходиться им по душе, и он начал объединять вокруг себя многие племена Аравии, жившие до сих пор разрозненно, а затем, при их посредстве, распространял силою меча свое учение и дальше. Быстро одержав несколько больших побед, Магомет к концу своей жизни сделался грозным завоевателем и властелином почти всей Аравии; его гробница в городе Медине благоговейно чтится всеми магометанами до настоящего времени и привлекает ежегодно огромные толпы паломников, так же как и древний храм Каабы в Мекке.

Преемники Магомета, которые назывались калифами, соединяли в своем лице верховную власть, как духовную, так и военную; при первых калифах объединение племен, покоряемых арабами и принимавших магометанство, шло очень быстро, и скоро арабские войска завоевывают бывшее Персидское царство, где устраивают в древнем Вавилоне новую великолепную столицу – Багдад; затем они распространяют свои владения, всюду проповедуя магометанство, и гораздо дальше. Идя на запад, арабы покоряют Египет, весь северный берег Африки, наконец, переправляются в Европу и завладевают на несколько столетий Испанией. На востоке они овладели всем Закавказским краем и берегом Каспийского моря.

Здесь, на Кавказе, они столкнулись с хазарами и потеснили их, почему хазары, как уже было сказано раньше, и перенесли свою столицу из Тархи в Итиль, в устье Волги.

Арабы, помимо того что были храбрыми воинами, были также и отличными купцами. Они быстро завязали торговые связи с хазарами и жили всегда в большом количестве в их столице Итиль, а затем, с торговыми же целями, поднимались высоко по Волге и доходили в половине IX столетия до далекой Камской Болгарии, где жило племя камских болгар туркофинского происхождения, совершенно отличное от дунайских болгар. Арабы распространили магометанство среди камских болгар и, приезжая к ним за пушными товарами, имели частые встречи и с русскими купцами. До сих пор при раскопках в различных местностях Русской земли попадаются довольно часто арабские деньги – диргемы; кроме того, до нашего времени сохранилось в русском языке много, по-видимому, чисто арабских слов: град, дыяк, сын, тур, поток и другие.

Из описаний некоторых арабских писателей о торговых их встречах с русскими мы можем иметь сведения, как жили наши предки в те горестные времена, когда большая часть России была под игом хазар и платила им дань.

Оказывается, что, несмотря на это тяжкое унижение, предки наши пользовались и тогда большим почетом у арабов.

«Русь, – говорит один арабский писатель, – имеет большое число городов и живет в довольстве на просторе. Любят опрятность в одежде; даже мужчины носят золотые браслеты на руках. Об одежде своей заботятся, так как занимаются торговлей, и носят большие шаровары, собирая их в сборки у колен. Некоторые из руссов бреют бороду, а другие свивают ее наподобие лошадиной гривы и окрашивают в желтый или черный цвет. Гостям руссы оказывают почет и обращаются хорошо с чужестранцами, которые ищут у них покровительства, да и со всеми, кто часто бывает у них; не позволяют никому из своих обижать или притеснять таких людей. В случае же, если кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают последнему и защищают его.

Когда у кого из руссов родится сын, то отец новорожденного кладет перед дитятей обнаженный меч и говорит: не оставляю в наследство никакого имущества. Будешь иметь только то, что приобретишь себе этим мечом.

Когда кто из них имеет дело против другого, то зовет его на суд к старшине, перед которым и препираются; когда старшина произнесет приговор, то исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором старшины недовольны, то, по его приказанию, они решают дело оружием; чей меч острее, тот и одерживает верх. На борьбу эту приходят и становятся родственники обеих тяжущихся сторон. Тогда соперники вступают в бой, и победитель может требовать от побежденного чего хочет.

Когда который-либо из родных просит о помощи, то выступают в поле все и не разделяются на отдельные отряды, а бьются с врагом сомкнутым строем, пока не победят его.

Руссы мужественны и храбры. Когда нападут на другой народ, то не отстанут, пока не уничтожат его всего. Ростом они высоки, красивы и смелы в нападениях».

При этом арабский писатель Ахмед эль-Катиб, живший в Испании, рассказывает про большой поход, совершенный в 844 году, на легких судах, «неверными, называемыми руссами», в далекую Севилью, которую они завоевали. По рассказам арабов, руссы очень любили своих жен и старались всеми силами доставлять им всевозможные дорогие украшения.

Особенно ценились ожерелья из зеленых бус, покупавшихся за дорогую цену у арабов, а также золотые и серебряные шейные цепочки. Чем богаче был муж, тем большее число таких цепочек носила его жена на шее.

Взамен этого и жены платили мужьям большой верностью и, по примеру древних скифских женщин, часто принимали смерть вместе с ними.

Погребальные обряды руссов состояли в то время в погребениях под курганами, как и во времена скифов, а также и в сожжении. В обоих случаях, однако, отправлялось на тот свет вместе с покойниками уже значительно меньше народа, чем при Геродоте. Обыкновенно убивались только жены или кто-либо из близких слуг, и при этом непременно по их доброму желанию, а затем лошади и скот.

«Женщины их, – говорит про руссов арабский купец тех времен по имени Масуди, – желают своего сожжения для того, чтобы вместе со своими мужьями попасть в рай».

Эту же преданность славянских женщин к мужьям подтверждает в своих записках и греческий император Маврикий, который говорит, что славяне «соблюдают целомудрие, и жены их чрезвычайно привязаны к мужьям, так что многие из них, лишаясь мужей, ищут утешения в смерти и сами себя убивают, не желая влачить вдовьей жизни». Если у руссов в те времена кто-либо умирал холостым, то его обыкновенно женили после смерти, причем новобрачная предавалась огню вместе с телом покойника.

Вот как описывает арабский писатель Ибн Фадлан русских людей и обряды венчания и сожжения покойников после смерти:

«Они, руссы, приходят из своей страны и бросают якорь на Волге. На берегу у якорного места строят большие деревянные дома и живут в них человек по десять, по двадцать, или больше, или меньше. У каждого из них скамья, лавка, на которой он сидит вместе с привезенными для продажи красивыми девушками. Во время прибытия судов к якорному месту каждый из них выходит, неся хлеб, мясо, молоко, лук и пьяный напиток, и идут к своим кумирам. Это были деревянные болваны, один в середине – высокий, с изображением лица, похожего на человеческое; другие – малые, стояли вокруг главного. Русс подходит к большому изображению, простирается перед ним, кладет принесенное и говорит: «О, господине! Я пришел издалека, со мной девушек – столько-то и столько-то голов, соболей столько-то и столько-то шкур», пока не поименует всего, что он привез из своего товара. Затем продолжает: «Этот подарок принес я тебе, желаю, чтобы ты послал мне купца с динарами (греческими золотыми) и дир-

гемами, который купил бы у меня все, что желаю продать, и не торговался бы, не прекословил бы ни в чем». После этого русс уходил.

Мне сказывали, – говорит этот арабский писатель, – что руссы со своими начальными людьми делают по их смерти такие вещи, из которых малейшая есть сожжение. Я очень желал присутствовать при этом, и вот я узнал, что один знатный человек у них умер. Они положили его в могилу в том платье, в котором он умер, поставили с ним пьяный напиток, положили плоды и балалайку. Могилу накрыли крышкой, засыпали землей, и она так оставалась в течение десяти дней, пока кроили и шили одежду покойнику. Это делается так: бедному человеку делают у них небольшое судно, ладью, кладут его туда и сожигают его. У богатого же они собирают его имущество и разделяют его на три части: одну дают семье, на другую изготавливают платье, а на третью долю покупают пьяный напиток, который пьют в тот день, когда его девушка убивает себя и сожигается со своим господином. Они очень преданы вину, пьют днем и ночью, так что иной от пьянства и умирает с кружкой в руке.

Когда у них умирает начальный человек, то его семья говорит девушкам и мальчикам (вообще подчиненным им слугам, по древнерусскому названию – отроки): «Кто из вас умрет с ним?» Кто-нибудь скажет: «Я».

По большей части соглашаются на смерть девушки. Так точно произошло и в настоящем случае. Когда умер вышеупомянутый человек, то сказали его девушкам: «Кто умрет с ним?» И одна из них ответила: «Я». Поэтому назначили двух девушек, которые бы стерегли, охраняли ее, прислуживали ей и были бы всегда с ней, куда она ни пойдет. Иногда они даже моют ей ноги своими руками. Затем взялись кроить одежду для покойника и готовить все нужное. Между тем девушка пила каждый день и пела, веселясь и радуясь. Когда наступил день, назначенный для сожжения, я пошел к реке, где стояло судно (лодка) для умершего.

И вот оно было уже вытаснено на берег, сделали для него четыре деревянные подпоры, а вокруг поставили деревянные изображения, подобные великанам (кумиры). Лодку притащили и поставили на столбы – подпоры. Люди начали ходить взад и вперед и говорили слова, мне непонятные. Затем принесли скамью (ложе) и поставили ее в лодке. После этого пришла старая женщина, которую называют ангелом смерти. Она покрыла скамью коврами, а по ним греческою золотою тканью и положила подушки из такой же ткани. Она управляет шитьем и его приготовлением. Она же принимает (убивает) девушку. Я видел ее, она смуглая, толстая, лоснящаяся, с лютым видом.

Когда постель была изготовлена, руссы пошли за покойником к его могиле, сами раскрыли крышу, вынули мертвеца, как он был, со всеми предметами, которые с ним были положены. Я видел его почерневшим от холода этой страны, а впрочем, он ни в чем не изменился.

Ему надели шаровары, носки или чулки, сапоги, куртку или кафтан из толстой ткани с золотыми пуговицами; надели ему на голову шапку из золотой ткани с соболевой опушкой; понесли его в палатку, которая была устроена в упомянутой лодке, посадили на постель и обложили его подушками.

Затем принесли пьяный напиток, плоды, благовонные растения и положили к нему; принесли также хлеб, мясо, лук и положили перед ним; принесли собаку, рассекли ее на две части и положили в лодку. Принесли все оружие покойного и положили сбоку его. После того привели двух лошадей, гоняли их, пока не вспотели, затем разрубили их мечами и мясо покидали в лодку. Принесли петуха и курицу, зарезали их и поклали туда же.

А девушка, которая должна была умереть, ходила повсюду, заходила в каждую палатку руссов, прощалась с ними.

В пятницу, между полуднем и закатом солнца, руссы повели девушку к чему-то, сделанному наподобие навеса или выступа у дверей. Она стала на ладони мужчин и, поднятая ими, посмотрела на этот навес, сказала что-то на своем языке и была опущена. Она сказала: «Вот вижу отца моего и мать мою». Затем ее подняли во второй раз. Она сделала то же самое и

сказала: «Вот вижу всех родителей, умерших родственников, сидят». Подняли ее в третий раз, и она сказала: «Вот вижу моего господина; сидит в саду, в раю, а рай прекрасен, зелен; с ним сидит его дружина и отроки. Он зовет меня. Ведите меня к нему». Ее повели к лодке. Она сняла свои браслеты с рук и подала их ангелу смерти – старой женщине. Она сняла обручи – кольца со своих ног и отдала двум девушкам, которые ей прислуживали; они прозываются дочерьми этой старухи, то есть дочерьми ангела смерти. Потом ее подняли на лодку, но не ввели в палатку, где лежал мертвец. Пришли мужчины со щитами и палками и подали ей кружку с пьяным напитком. Она взяла ее, пела над ней песню и выпила ее. Это она прощалась со своими подругами. После того ей подали другую кружку. Она взяла и запела длинную песню. Старуха торопила ее выпивать кружку скорее и идти в палатку, где ее господин. Я видел ее в нерешимости, она изменилась. Неизвестно, желала ли она войти в палатку. Она просунула туда голову. Старуха взяла ее за голову, ввела ее в палатку и сама вошла за ней. Мужчины начали стучать по щитам палицами для того, вероятно, чтобы не слышно было ее криков, чтобы это не устрало других девушек, готовых также умереть со своими господами.

В палатку вошло шесть человек и простерли девушку обок с ее господином; двое схватили ее за ноги и двое за руки, старуха – ангел смерти обвила ей вокруг шеи веревку, за конец которой взялись остальные двое мужчин. Старуха-ведьма, ангел смерти, подошла с большим ширококлинным ножом и начала вонзать его между ребер жертвы, а двое мужчин тянули за концы веревку и душили девушку, пока не умерла.

После того под лодку подложили дров, и ближайший родственник покойного, взяв кусок дерева, зажег его и, держа в руке, пошел к лодке задом. Он первый зажег костер; за ним стали подходить остальные люди с лучинами и дровами; каждый бросал в костер зажженную лучину и дрова. Вскоре огонь охватил дрова, затем лодку, потом палатку с мертвыми и со всем, в ней находящимся. При этом подул сильный, грозный ветер, пламя усилилось и все больше и больше распространяло свое могущество. Подле меня стоял человек из руссов, и я слышал, как он разговаривал с толмачом (переводчиком). Я спросил толмача, о чем он вел с ним речь. Он ответил, что русс сказал ему: «Вы, арабы, народ глупый. Вы берете любимого и почтеннейшего для вас человека и бросаете его в землю, где его поедают гады и черви. Мы в одно мгновение сжигаем его в огне, и он в тот же час входит в рай». Затем этот человек засмеялся и проговорил: «Бог любит покойника: послал сильный ветер, и огонь унес его в одночасье»; и действительно, не прошло и часа, как лодка, дрова и оба мертвеца превратились в пепел».

Так рассказывали арабы, посещавшие нашу родину для торговых целей, про нравы и обычаи руссов в половине IX столетия.

Из приведенных рассказов мы видим, что нравы наших предков были в это время уже несколько мягче, чем во времена скифов, но тем не менее они оставались такими же язычниками, как и прежде, и поклонялись идолам. Главным идолом, изображавшим древнего арийского всемогущего бога, считался Перун – бог молнии. Потом очень почитался Велес, или Волос – бог скота и домашнего богатства; за ним шли Ладо – бог веселия, любви и согласия, Ярило – бог плодородия, Купало – бог земных плодов и некоторые другие. Кроме этих главных, или, так сказать, общих богов, народ верил также в местных или домашних богов: в домовых, водяных, леших, обитавших в лесах, в речных русалок, в ночных кикимор и в прочую нечисть.

Храмов у наших языческих предков не было; места же, где стояли идолы больших богов, назывались капищами; это были площадки, где идолы помещались на каменных плитах и колодах. Тут совершались и жертвоприношения; жертвовались обыкновенно плоды, овощи и скот. Человеческие же жертвы в те времена приносились уже редко. Особого сословия священнослужителей или жрецов не было, так как жертву приносил каждый сам за себя или за свою семью и род, но в народе было довольно много волхвов или кудесников, к которым любили обращаться за советами и предсказаниями.

Кроме рассказов арабов о состоянии Русской земли в половине IX века, у нас имеются сказания о тех же временах и нашего первого летописца. Свою летопись он начинает повествованием о расселении народов, происшедших от колена Иафета. Из этого повествования видно, что в половине IX столетия Русскую землю заселяли следующие славянские племена: по Днепру у Киева и ниже – до хазарских владений – сидели поляне; выше их, по Днепру же, там, где широкая русская равнина, идущая от Черного моря, – поле – сменяется русским же могучим лесом, сидели древляне, так прозывавшиеся, ибо жили в лесу среди деревьев; севернее древлян по реке Припяти жило племя дреговичей; восточнее дреговичей по реке Соже – радимичи; еще восточнее, по рекам Сейму и Десне – северяне. По реке Полоте, притоку Западной Двины и по верхнему и среднему течению последней реки, сидели полочане. В Волковском лесу, на возвышенной местности, откуда берут начало почти все великие русские реки, было расселено племя кривичей, так называвшееся по причине большой кривизны рек, на которых они жили.

Восточнее кривичей, по реке Оке, сидели вятичи, а севернее кривичей, вокруг озера Ильмень, в нынешней Новгородской стороне, – славяне ильменские.

Наконец, на Западном Буге сидели бужане, или воляныне; между Южным Бугом и Днестром – тиверцы, а у устья самого Днестра – уличи.

Вот названия славянских племен, населявших Русскую землю в IX столетии по Рождеству Христову.

Все эти племена жили родовым бытом и сохраняли все обычаи этого быта: отдельный человек подчинялся порядкам своего рода, а целый род покровительствовал каждому своему родичу, причем за обиду его полагалась кровавая месть целым же родом.

Безродный же человек назывался сиротой и имел самое убогое место среди людей, между которыми жил.

Большинство славян, как люди, занимавшиеся сельским промыслом, жило селениями; несколько селений одного рода или племени составляли обволость, или волость; в такой волости власть принадлежала старейшинам – князьям. Эти старейшины жили зачастую в городках или городах. Там же, вокруг них, жили ратные люди, составлявшие княжескую дружину, промышленники, ремесленники и купцы. В некоторых городах, главным образом торговых, где собиралось много разного люда со всех сторон, вместе с князьями дела решало вече, то есть собрание выборных людей от города. Городки рубились также и тогда, когда предки наши продвигались в местности, заселенные туземным коренным населением, по большей части финскими племенами, обитавшими на севере и востоке Русской земли. В этом случае городки представляли крепости, в которых порой отсиживались и выдерживались осады до прихода подмоги.

Из городов IX века более значительные были следующие: Ладога на озере Нево, Изборск на Великом озере; вскоре около него возник и Псков, затем Новгород на озере Ильмень; Смоленск на верхнем Днепре; Полоцк на реке Полоте; Чернигов на Десне – притоке Днепра, а на самом Днепре Любек, и затем Киев – в том месте, где когда-то святой апостол Андрей Первозванный водрузил крест.

Наконец, славяне имели свои города и среди финских племен на востоке: Белоозеро среди веси, Ростов у мери и Муром среди муромы, мешеры и мордвы.

Вот главнейшие древние города Русской земли.

Вообще, в Русской земле городов было тогда много, почему шведы и прозвали ее «Гардарик», или страна городов.

Про сооружение Киева существует два предания: по одному – его построили три брата: Кий, Хорив и Щек, жившие со своей сестрой Лыбедью на соседних к Киеву горах, а другое предание гласило, что когда-то, в отдаленное время, здесь был перевоз через реку Днепр, и перевозчиком был некто Кий, почему и говорили – едем к Киеву перевозу; отсюда и пошло название Киев.

Наибольшими городами были, конечно, те, где могла бойко идти торговля.

В этом отношении первое место принадлежало Киеву, а затем и Новгороду.

Через эти города проходил великий водный путь «из варяг в греки», по которому шла главнейшая торговля между племенами, жившими по Балтийскому морю, то есть варягами, с далеким Царьградом. Путь из варяг в греки шел от Балтийского моря через реку Неву в озеро Ладожское, или Нево, по реке Волхов на озеро Ильмень, а оттуда вверх по реке Ловати до ее верховьев в Волковском лесу; здесь суда перетаскивались по сухому пути волоком – в верховья Днепра и спускались по нему в Черное море.

По пути этому шло множество различных товаров: от варягов шло сукно, холст, полотно, медные и железные изделия, олово, свинец и драгоценный янтарь; кроме того, шла в большом количестве соленая сельдь; Русская земля торговала, как и в Геродотовы времена, хлебом, дорогими мехами, медом, лесом, салом, скотом, лошадьми и рабами; из Царьграда шли главным образом паволоки, каковым именем назывались греческие шелковые ткани с золотом или без него; паволоки были в большом ходу, как в Русской земле, так и у варягов, и всякий человек с достатком непременно шил себе одежду из паволок; затем греки торговали золотом и серебром в различных вещах женского и мужского убора, каковыми были серьги, браслеты, обручи, перстни, запонки, кольца и пуговицы; наконец, из Царьграда же шли тканые и кованые кружева для отделки платья, разного рода южные плоды и вина.

На этот путь «из варяг в греки» прибывали и товары из далекой Пермской страны – самоцветные камни и редчайшие меха, а также ковры из Вавилона, индийские ткани с причудливейшими узорами, бусы, бисер, пряности и благовония из Аравии.

Деньги в это время на Руси были кожаные: «куны» (мордочки куниц), «резаны» (отрезки) и «ногаты» – лапки и ушки белок с серебряными гвоздками (с тех пор и идет название «полушка», то есть пол-ушка белки). Эти кожаные деньги ходили не только на Руси, но в Италии, Франции и на Востоке. Кроме кожаных денег, для крупных оборотов употреблялось необделанное серебро и серебряные шейные гривны, которые весили по фунту каждая.

Наконец, деньгами в то время на Руси служили и монеты различных государств, с которыми мы вели торговлю; больше же всего было в ходу монет греческих и арабских.

Торговлю на пути из варяг в греки начинали весною по вскрытии рек и оканчивали к осени – до замерзания. Множество купцов и разного люда, причастного к торговле, жило по всему пути; главным же их средоточием был Новгород и особенно Киев. И в самом деле, на всем Днепре не было места привольнее и приятнее Киева, особенно для первоначальных действий торгового и промыслового характера. Оно доставляло все способы защиты и засады при нападениях врага, давало всякие средства вовремя уйти от опасности и в то же время открывало всякие пути для обеспечения себя продовольствием. Здесь окончательно собирались караваны судов для отправки в Царьград; здесь делались наряды на товары и заключались разного рода торговые сделки; здесь же набиралась для этих караванов судов охрана из вооруженных людей, чтобы пройти по далеко не безопасным от хищных жителей южным степям; наконец, здесь же нанимались и опытные кормчие, чтобы провести суда через опасные пороги на южном Днепре. Поэтому в Киеве, наряду с своим славянским населением, всегда жило много разного люда: греки, варяги, поляки и евреи; последние не только торговали, но, как представители хазарского кагана, были в описываемое время и чиновниками, собиравшими с коренных обитателей дань. Ввиду большого количества жителей, принадлежавших к различным народам, целые концы города Киева носили название по имени их обитателей, так: хазары жили в Козаре, поляки у Лядских ворот, а евреи у Жидовских.

Торговое дело считалось у наших предков весьма важным и большим делом. Купцы, или гости, как их тогда называли, были всегда, везде и всюду почетными и желанными людьми. Они должны были не только отлично знать все условия жизни тех стран, с которыми торговали, но должны были также обладать немалой отвагой и воинским искусством, так как

нередко им приходилось в своих торговых странствованиях выдерживать бои с разбойниками или дикими туземцами. Наибольшей известностью, как мореходы и славные торговцы, пользовались в те времена варяжские купцы, принадлежавшие преимущественно к племенам, сидевшим по южному побережью Балтийского моря; они совершали отважные плавания по самым дальним странам и морям; однако не отставали от них и купцы из природных уроженцев Русской земли. Они тоже смело пускались на своих ладьях по рекам нашего севера и востока в отдаленные края и доходили до северного Урала и Югры, где происходила с тамошним населением любопытнейшая немая торговля: когда славянские купцы приезжали в их землю, то в назначенном месте раскладывали свои товары, положили на них заметки, и уходили; по их уходе приходили местные жители и раскладывали рядом с славянскими товарами свои, большей частью меха; затем купцы приходили опять, и кому мена кажется сходною, тот забирает разложенный товар, а свой оставляет; кому же цена не покажется подходящею, тот не берет туземного товара, пока не сойдутся в цене.

Насколько ценились у нас гости, показывает старинный обычай провожать их по своей земле, чтобы им не чинили каких-либо обид; при этом старейшины и князья не только наряжали ратных людей для охраны гостей, но на большом пути из варяг в греки сами со своими дружинами провожали купеческие караваны, когда они шли по Днепру и возвращались назад.

Это было постоянное занятие старейшин и князей в весеннее и летнее время, пока не закрывалось судоходство по рекам. Осенью же и зимой, как только становились реки, они отправлялись со своими дружинами в особые зимние походы, которые назывались полюдье, по подвластным себе областям. Здесь они собирали дань, творили суд, охотились, а также принимали участие и в той торговле, которая велась зимой.

Так жили наши предки в половине IX века, во время владычества над ними хазаров. Владычество это, как мы видели, было не особенно жестоко; обычаи и распорядки жизни у нас остались те же, что были всегда и встарь у славян. Подвластность же хазарам выражалась главным образом в платеже дани. Но подвластность эта была тем не менее весьма унижительна. Ввиду зависимого положения наших предков в описываемое время от хазар и другие народы обходились с нами пренебрежительно. В Царьграде гостей наших постоянно обижали, не пускали порой в самый город, иногда изгоняли, словом, чинили разные притеснения, зная, что некому было за них вступиться. И на севере, в Ильменской стороне – многочисленные воинственные обитатели Варяжского моря также захаживали сюда и накладывали порой дань на отдельно жившее здесь славянское племя.

Наименее могущественными были в эти времена сами наши владыки, хазары; они сильно побаивались своих могучих данников – русских славян, и для своей защиты, на случай их набегов, хазарский каган выстроил в 834 году на Дону, в том месте, где Дон ближе всего подходил к Волге, каменную крепость Саркел, или Белую Вежу.

Когда же однажды поляне, жившие по Днепру, на требование хазар дани дали им от каждого дома по мечу и когда хазары принесли эту новую дань своим старшинам, то те крепко подумали и сказали своему князю: «Княже, дань недобрая. Ее доискали мы одной стороною оружия, – то есть саблями, – а у этих оружие остро с обеих сторон; это – меч. Будут они брать дань и на нас, и на других странах».

И действительно, для этого нужно было только, чтобы могучие племена, отдельно сидевшие на Русской земле, собрались в одно единое несокрушимое целое.

Наконец, это важнейшее событие в жизни нашего народа свершилось.

В 862 году ильменские славяне прогнали каких-то заморских пришельцев, наложивших на них три года тому назад дань. Затем они стали управляться сами, и сейчас же началась обычная славянская усобица, восстал род на род, «и начали они, – говорит летописец, – воевать сами между собой».

На этот раз, однако, они вскоре сознали, что так жить дальше нельзя, и, не видя конца распрям, решили обратиться к стороннему племени, чтобы оно дало им князя, который владел бы ими и судил по праву.

И вот пошли ильменские славяне, кривичи и владевшие финским племенем чудь, к варягам, с которыми имели постоянные сношения, и сказали: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет; придите княжить и владеть нами».

И отправились три брата со всем родом своим и племенем, и сели: старший Рюрик – в Новгороде, другой Синеус – на Белоозере, а третий Трувор – в Изборске.

Этим призыванием князей и было положено начало Русскому государству.

Глава 3

Начало Русского государства. Кирилл и Мефодий – просветители славян. Княжение Рюрика. Аскольд и Дир; их славный набег на Царьград. Княжение Олега. Игорь, святая Ольга

В половине IX века, когда свершилось важнейшее событие в Русской земле и началась жизнь уже не отдельных племен, а Русского государства, в то же приблизительно время произошли и некоторые другие весьма важные события, имевшие впоследствии большое влияние на русскую жизнь.

Важнейшим из этих событий было изобретение славянской грамоты, благодаря святым равноапостольным братьям Кириллу и Мефодию. Они родились от знатных и богатых родителей в греческом городе Солуне и с юных лет были близкими в семье византийских императоров, которые осыпали их своими милостями. Они хотели женить Кирилла на своей родственнице, а Мефодия назначить на высокую должность правителя обширного края, но святые братья добровольно отказались от всех почестей и земных благ, а приняли суровый монашеский чин и затем много потрудились и претерпели, проповедуя христианство придунайским и западным славянам. Во время этого служения своего святой Кирилл и изобрел славянскую грамоту, что имело величайшее значение для всех славянских народов, так как они получили возможность изучать Евангелие и установить богослужение на понятном для них языке; благодаря общему письму все славяне могли теснее чувствовать братскую связь, соединяющую их между собой, и, наконец, благодаря грамоте же славяне могли вести летописи событий своей жизни на родном языке, а также и постигать плоды книжного просвещения. Таковы были заслуги святых Кирилла и Мефодия. Православная церковь дала им наименование равноапостольных.

Во время жизни святых братьев произошло событие огромной важности: отделение католиков от бывшей до сих пор единой православной церкви.

Произошло это вследствие того, что епископы Римской церкви, приобретая постепенно огромную власть над своей паствой, – в числе которой были обращенные в христианство народы Испании, Англии, Франции, Германии и Италии, – и приобретая также значительные земельные владения в Римской области, возгордились и не пожелали в церковных делах подчиняться соборным постановлениям всех епископов, как это было правилом еще со времен апостольских. Римские епископы, называемые папами, мало-помалу стали тяготиться этим и начали доказывать, что они должны быть старшими над всеми остальными епископами; при этом они ввели некоторые самовольные изменения не только в обрядах, но и в Символе веры, в котором, вопреки постановлениям Вселенских соборов, прибавили, что Дух Святой исходит не от одного Отца, но также и от Сына. Все это привело к большим несогласиям в Церкви, особенно когда защитником апостольских правил, свято хранимых православными, явился царьградский патриарх Фотий, высокообразованный и твердый в делах веры, как камень, человек, а его противником – гордый и властолюбивый римский папа Николай, который окончательно отделился от православия и образовал самостоятельную Римскую, или Католическую, церковь, называемую также латинской, так как богослужение у католиков происходит всегда на латинском, или древнеримском, языке.

Отделение католиков от православных было делом весьма неблагоприятным для всех славян, так как при крещении часть из них принимала православие, а другая – католичество; конечно, это сильно мешало, и мешает до сих пор, их взаимному соединению и вызвало много кровопролитных войн.

Из остальных важных событий следует указать на образование к этому времени государств уже у многих славянских народов. Первым славянским государством было княжество Болгарское, образовавшееся около 650 года; оно подчинило себе соседние славянские племена – сербов и хорватов и скоро стало грозным и для греков. Столицей болгарского княжества была Преслава, а крепостью Доростол. Угнетая постоянно хорватов, болгары вызвали среди них восстание, после чего, около 750 года, хорваты отложились и образовали независимое княжество.

Затем чехи, после долгой борьбы с аварами, которые было их покорили, образовали около 700 года независимое государство, с князем Кроком во главе. Преемницей его была славная дочь Крока – Любуша, основательница города Праги, которую народ прозвал за ум «Вещею».

Она отличалась необыкновенной справедливостью, за что и доныне прославляется чехами в песне «Любутин суд». В мужья себе она выбрала простого крестьянина Премысла, и от этого брака пошли первые чешские князья.

Кроме чехов, не на долгое время образовали самостоятельное княжество и моравы, но оно скоро было разрушено немцами, а затем и венграми, племенем, пришедшим из Азии.

Затем, в 960 году, ляшские, или польские, племена также образовали государство – Польшу, выбрав своим королем Земовита, тоже сына простого крестьянина Пяста. При наследнике Земовита Мечиславе поляки крестились и приняли от немцев и папы католичество.

Несколько раньше образования Польши почти все народы, жившие в нынешней Франции, Италии и Германии, были соединены в огромную империю под рукою Карла Великого. Карл Великий, образовав свою державу, начал ожесточенную борьбу с храбрыми славянскими племенами, сидевшими в западной части балтийского побережья, которые, к сожалению, не соединились между собой для образования одного крепкого государства.

Хотя по смерти Карла Великого империя его и была разделена между тремя его сыновьями, но тем не менее начатое им дело – уничтожение западных славян, сидевших по южному берегу Балтийского моря, – усердно продолжалось немцами.

Таким образом, мы видим, что к половине IX века почти везде уже в Европе жили не разрозненные племена, а были образованы государства.

Через два года после призвания князей братья Рюрика – Синеус и Трувор – умерли, и он стал единовластно править над новгородскими славянами, кривичами и над финскими племенами – весью, мерей и муромой, сажая во все города своих посадников из старших витязей прибывшей с ним русской дружины.

Два мужа из этой дружины, не получившие в управление городов, Аскольд и Дир, отпросились у Рюрика идти искать счастье в Царьград. Следуя по великому пути «из варяг в греки», они дошли по Днепру до Киева.

Здесь, узнав, что Киев не имеет своего князя, а платит дань хазарам, и полюбив это бойкое и богатое место, Аскольд и Дир решили остаться; к ним присоединилось много варягов, и они стали владеть Киевом и всей полянской землей, причем освободили ее от платежа дани хазарам и успешно воевали со степными хищниками и некоторыми соседними племенами.

Через четыре года Аскольд и Дир настолько уже вошли в силу, что могли привести в исполнение заветное желание руссов – отомстить коварным и высокомерным грекам за все обиды и унижения, которые претерпевали от них наши предки во время хазарского ига. К этому еще представился и подходящий случай: греки убили в Царьграде нескольких русских провевальщиков зерна по ничтожному поводу.

И вот, в 866 году, Аскольд и Дир решили совершить смелый набег на Царьград, как хаживали на него в старину смельчаки с устьев Днепра и Дона. Они собрали 200 ладей, то есть больших лодок с мачтами и парусами, посадили на каждую от сорока до шестидесяти человек, и настолько скрытно совершили свой переход по Днепру и Черному морю, что до самого их появления у Царьграда никто и не подозревал об этом набеге.

Патриарх Фотий был в это время в Константинополе и оставил подробное описание происшедшего.

По его словам, русский набег случился в один из прекрасных летних дней, под вечер, при совершенно тихом море. В этот прекрасный летний вечер царьградские горожане любовались красотами своего любимого моря не только из великолепных палат, но и из бедных хижин, с своих улиц и площадей, из бесчисленных садов и даже со стен самого города, которые опоясывали его со всех сторон по берегу моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.